

ТОННЕЛЬ

(главы из повести)

Ирина Борисовна Данилова родилась в Санкт-Петербурге. Окончила филологический факультет РГПУ им. А. И. Герцена. Также училась в Государственном педагогическом университете города Конджу (Южная Корея). Автор нескольких книг для детей. Рассказы, сказки и стихотворения вошли в сборник «Сказки на ночь. Динозавры» издательства «Астрель-СПб», журналы «Юность», «Мурзилка», «Формаслов», «Чтение детям», «Просто-кваша» и другие. Призёр VIII Международной Корнейчуковской премии-2020, конкурсов «Хрустальный родник-2020» и «Печорская Ассоль-2020». Живёт в Санкт-Петербурге.

Мы с Кости́ком с первого класса дружим. И наши мамы тоже. А с третьего класса я к Костику на выходные с ночёвкой стал ходить постоянно. Мы вообще лучшими друзьями стали. Всё время вместе. Получается, пять лет мы лучшие друзья. И пять лет у меня что-нибудь случается. У Кости́ка всё в порядке, а я опозорюсь обязательно. А сейчас мы половину лета на даче вместе прожили, у меня все несчастья в одну трагедию слились. Эту трагедию «Кости́к» зовут.

Я в сарай пошёл мотоцикл проверить, чтобы не смотреть, как Кости́к вещи собирает. Третий класс вспомнил. Четвёртый, пятый. Все классы до седьмого вспомнил — и седьмой: ночёвки у Кости́ка и педсоветы. И мамыны крики: «Сын адвоката — двоечник!» И ещё: «Этот мальчик не твоего уровня!» В смысле «Кости́к не моего уровня». Не уровня сына адвоката Сергея Борисова и инженера Екатерины Борисовой.

Правильно мама кричала. И не надо было Костика каждый раз прощать за всё, что он творит. Надо было сразу послать, когда это началось. Но я же сын адвоката, я не могу послать. Я же не Костик — сын дяди Димы и тёти Вали-предательницы, которая про маму втихаря гадости говорит. Причём мне говорит, сыну её. А мама ей ещё деньги давала, когда я у них оставался: «Валя, это за Ваню».

Тётя Валя заболела, мама сразу дяде Диме предложила Костика к нам на дачу забрать, без денег. Я же не могу маме всё рассказать. У неё, кроме тёти Вали, никого. Это же страшно, когда ты один. Только мама думает, что у неё тётя Валя есть.

Я один знаю, что нет у неё никакой тёти Вали. И Костик такой же, он же её сын. Пусть валит к своей мамочке в своё болото. Папа так про двоечников и хулиганов говорит — «болото». «Ваня, это болото». Правда, двоечник — это я. Но нормально учиться я смогу начать. А Костик так болотом и останется. Предателем. Это оценками не исправишь.

Костик заглянул в сарай и говорит:

— Я малину возьму?

Да подавись ты своей малиной.

— Бери, — говорю.

Сижу, отвёрткой карбюратор ковыряю. В голову лезет всякое, все гадости за последние пять лет.

Я заслонку из карбюратора вытащил. Смотрю — за мотоциклом крышка бронзовая, круглая валяется. Полуржавая. Покрутил

её. Вроде не от двигателя. В корзину на поленнице закинул. Мало ли от чего отвалилась. Начал поплавковую камеру откручивать. Резинки все жирные, внутри тоже гадость какая-то бурая вытекает.

В «растопку» полез. У насazole поленницы, в коробках, макулатура разная стопками сложена — печку растапливать. Журналы старые, газеты, тетрадки мои с двойками. Тетрадки лучше всего горят, мы их бабушке Нине всегда привозим. Бабушка мои двойки в топку всю зиму закидывает. Говорит, что даже не знает, что бы без моих двоек делала.

Я взял пару тетрадок посвежее и потолще — под карбюратор подложить. И прямо на «Книге победителя» раскрыл. Я про неё за лето забыл уже. Слева тема «London» за третий класс, ненавистная, которую я так и не выучил, справа наш с Костицом счёт: 1:0, 2:0, 3:1, 100500:0. И краткие пояснения. Нашему физкультурнику Виктору Ильичу спасибо за идею, конечно. Может, я без него и считать не научился бы нормально, и так бы не узнал никогда, кто кого. И вообще забыл бы всё это давно.

А тут всё, как было записано, — сухим математическим языком. Вот: «Я — К. 1:0. Мировой рекорд на физре. Я — К. 2:0».

Сёрферы

Тётя Валя, мама Костика, строгая. Но весёлая. Костик говорит, что если бы тётя Валя весёлая не была, то он от её строгости

бы до третьего класса не дожил. И ещё говорит, что он весь в неё такой — весёлый и изобретательный, от этого ему легче живётся.

Но я знаю, что Костик никогда не погибнет. А я — тем более. Потому что тётя Валя — детская медсестра, очень хорошая.

Мама говорит, тётя Валя умеет с детьми обращаться: знает, что можно, что нельзя. Она на курсах повышения квалификации в поликлинике подрабатывает. За новым в медицине следит. Потом на нас с Костином испытывает. Может, потому Костик болеет редко, — боится, что тётя Валя на нём первом что-нибудь испытает? Папа так шутить любит, когда мама ему про тёти-Валины медицинские новости рассказывает.

И сегодня пошутил за обедом, когда мама ему рассказала, что тётя Валя на курсы детских массажисток пошла врачу лечебной физкультуры помогать эти курсы вести. Что она Костика в пятницу с собой взяла, чтобы на нём массаж отработать. И нужно выяснить, как сходили.

После обеда мама ей позвонила, а тётя Валя говорит:

— Катя, такие курсы хорошие, двадцать человек одному Костику в пятницу по очереди массаж делали, он потом ночь и всю субботу проспал. А вечером встал, поел и снова лёг до воскресенья. Очень хорошо гиперактивность детская лечится, интенсивный массаж. Долгий, расслабляющий. Нам на следующее занятие ещё ребёнок нужен, не хотите Ваню отправить?

Мама нам с папой это рассказала. А папа сказал, что жаль, что эти курсы только по пятницам. И меня нужно быстро туда вести, пока тётя Валя не передумала.

В пятницу тётя Валя за мной в школу пришла, чтобы на курсы меня забрать. По дороге в раздевалку Костик говорит:

— Ну что, Ваня, приятного расслабления.

Я подумал: что это он ухмыляется так подозрительно? Смотрю на него. А Костик глаза выпучил и говорит:

— Слушай, честно, расслабишься. Так хорошо после массажа, все мышцы как новенькие, по телу тепло идёт. И мы с тобой в понедельник быстрее всех на физрестометровку пробежим. Я знаешь, как в прошлый раз расслабился? Даже стонал от удовольствия. И отдохнул хорошо потом на выходных. И зачёт по прыжкам сдал. Ветер поймал и — хоп.

И гогочет.

Зачёт по прыжкам Костик и правда сдал. Когда Костик эти зачёты не сдавал? Он сильный, и ноги у него длинные. Он вообще красавчик, я считаю: блондин, взгляд нахальный, всегда в себе уверен. И бегаёт быстрее всех. Не то, что я — мелкий, пухлый. Чуть что — пятнами красными иду. Вот мне бы не мешало рестометровку пробежать нормально, а то я в прошлый раз бежал как два километра по времени, даже физрук от смеха вдвое сложился, когда секундомер останавливал. И что там на массаже такого может быть, чтобы ухмыляться?

Пришли мы с тётей Вале́й в поликлинику. Там толпа не то, что двадцать человек. Человек сорок женщин. Все вокруг меня склонились, врача слушают: какие точки надо нажимать, а какие — ни в коем случае.

Я на кушетке специальной лежу лицом в дырку, плитку на полу разглядываю. Интересно, как они эти точки сразу запоминают? Я на математике никакие точки запомнить не могу, у меня все треугольники равнобедренными получаются. Даже если теорию весь урок в тетрадку записываю. А тут вообще никто не записывает, такая толпа, развернуться негде. Слышу:

— Первый пошёл.

И кто-то меня уже кремом натирает, даже приятно. Хотя вообще я крем не люблю склизкий. Но просто подмёрз уже, а руки тёплые спину трут.

Я глаза прикрыл, расслабляться приготовился. И тут меня ручки холодные ка-а-ак схватят! Как мять начнут! А снизу тёплая рука в креме мне рот закрыла, чтобы я не орал на весь кабинет повышения квалификации. Руку я узнал. Это тёти-Валина рука была. Я ещё громче заорал. О том, что мне теперь ещё и дышать нечем стало, отпустите, пока чего не случилось.

Тут тётя Валя ко мне под кушетку заползла, за нос меня дернула и говорит:

— Ваня, слушай, надо терпеть. Нам учиться на ком-то нужно, а у тебя от этого только кровообращение улучшится. Кровообращение —

это очень важно. А если ты орать будешь, придётся мне тебя опять с собою взять, — и хихикнула. — Потому что мы тут расслабляющий массаж отработываем. Нам надо видеть, что ты реально расслабился. А так тебе никто ничего не переломает, я слежу, не бойсь.

Потом обратно от меня выползла. Слышу:

— Следующий!

И засмеялась весело.

Я замолчать не смог, но орать перестал на всякий случай. А вместо этого стонать начал. Так и стонал, пока все меня расслаблять не потренировались. А когда они занятие своё закончили, мне так жарко стало по всему телу, что я сразу лицом в дырку уснул. Тётя Валя меня разбудила и тряпку дала. Сказала слюни за собой с пола вытереть и одеваться, домой идём.

Мы домой пошли. По дороге тётя Валя в гости предложила меня забрать. Я сказал, что сегодня дома побуду. Это я первый раз в жизни к Костику идти отказался.

Потом тётя Валя маме про массаж в прихожей рассказывала и хохотала звонко. А я ботинки снимал и думал, что вот жил я раньше и не понимал, какой я счастливый был человек. У меня ничего не болело, ни одной мышцы. Ботинки в прихожей кинул и сразу в комнату свою пошёл, даже ужинать не стал.

Раздеваюсь и думаю: сейчас Костику позвоню и спрошу, какой он мне после этого друг, если сразу не рассказал, почему этот массаж такой расслабляющий.

Только руки плохо слушаются. И я вместо Костики в нашу математичку на экране ткнул. Она у меня в телефоне «Константа» записана, я к ней на дополнительные занятия хожу. Хорошо, что сказать ничего не смог, потому что я б ей такого наговорил... Но так и уснул с телефоном.

А потом, в понедельник, в школе, когда отоспался, я на другую парту от Костики пересел. Весь день на него злился, с каждым уроком всё сильнее. До самой физкультуры. А на физкультуре нас рядом на дорожки поставили: стометровку бежать. Тут Костик не выдержал и говорит:

— Слушай, ты чего обижаешься?

А у самого щёки раздуваются. От смеха давится, но из последних сил держится. Ничего. А то непонятно, чего. И, главное, щёками, как жаба зелёная, туда-сюда, при этом в глаза смотрит, моргает. Честная такая жаба, ничего не понимающая. Тут физрук в свисток засвистел.

Костик бежит. А я за ним, по его дорожке, следом. Смотрю: замедляется. К концу стометровки Костик на колени упал и как заржёт в голос. А я от злости так разогнался, что затормозить не смог. И первым финиш на одной кроссовке проехал, как сёрфер из фильма про крутых и быстрых парней.

Физрук от удивления засвистеть забыл, секундомер выронил. А я на песок боком приземлился и кроссовку свою летучую потерял. Костик последним к финишу приполз. Только над ним никто даже

не смеялся, не до него было. Потому что физрук как закричит:

— Реко-орд! Мировой!

А потом говорит:

— Ваня Борисов, надо фиксировать для Федерации. В понедельник готовься повторять. И на выходных у нас тут на стадионе потренируйся. И запиши куда-нибудь результаты своих побед. В тетрадку победителя. Вон пусть тебе твой друг секундомер подержит.

И Костику свой секундомер отдал.

И класс меня качать выше турника принялся. Ну вот, наконец-то. Я всегда знал, что могу мировой рекорд поставить.

И я Костику на радостях простил. Мы начали всё вспоминать и ржать. Потому что Костик — мой друг. А на друзей долго не обижаются, ведь они всегда как лучше хотят. А когда ты победитель, тебе тем более обижаться не хочется. Тебе со всеми дружить хочется и вместе радоваться.

И я тогда в раздевалке сразу «Книгу победителя» и завёл. В тетрадке с темами по английскому. Для конспирации, потому что, если бы Костик это увидел, вся школа бы сразу узнала и ржала. Кроме Виктора Ильича, который в меня поверил единственный. И я в туалете с тетрадкой закрылся. И сразу после «Лондона» написал: «22 сентября 2015. Я — К. 1:0. Мировой рекорд на физре».

А Костик в раздевалке успокоился, слёзы вытер и сказал, что попросит тётю Валю меня снова на массаж взять, чтобы в понедельник точно рекорд зафиксировать.

А то вон я теперь не только на физре мировые рекорды ставлю, а уже английский в туалете учить начал.

А я ему ответил, что тогда расскажу тётё Вале, как он стометровку не бежал, а полз — из-за плохого кровообращения. И чтобы к расслабляющему массажу готовился в пятницу. А то ему обидно, наверное, что я один на весь класс сёрфер и чемпион.

Потом я опять в туалет сбежал с формой и в «Книге победителя» дописал: «22 сентября 2015. 2:0. Заткнул». И «Книгу победителя» в мешок с формой сунул, чтобы лишний раз внимание не привлекать. А потом домой унёс. Чтобы дома свои самые громкие победы записывать, мне понравилось. И поражения тоже, чтобы по-честному выиграть.

Но дома сразу «Книгу победителя» потерял. Засунул, как обычно, куда-то. И забыл. В моей комнате, чтобы что-то найти, нужно сначала всё ненужное сжечь. То есть на дачу отправить. А у меня до этого руки только перед каникулами доходили, и то не каждый раз. Поэтому под счётом «2:0» две строчки зачёркнуты, но прочитать можно. А под ними:

«22 апреля 2016. Я — К. 3:1. Жир. Ничья в третьем тайме. Иван Борисов ведёт в общем зачёте».

И жирная гадость от карбюратора уже по всей странице расплзлась. Руки грязные. Я их газетой из «растопки» вытер. И про жир в подробностях вспомнил.

Рэд хот чили пепперс

Тётя Валя очень вкусно готовит. Поэтому я у Костики обедать люблю и ужинать. Но не всё. Кашу манную она невкусно готовит. Я эту кашу терпеть не могу. И ещё суп с жиром. У нас как-то кот шерстью подавился и назад пополз с открытой пастью. Вот и я как кот, когда жир в супе вижу или манную кашу. Мама меня понимает. Поэтому она манную кашу вообще не готовит, а суп разрешает не есть, если туда жир попал.

А тётя Валя супы без жира варила. До конца третьего класса. А тут смотрю — плывёт. Я на Костику смотрю, а он как заржёт. Мысли мои прочитал. Мы с ним всегда мысли друг друга читаем, так хорошо понимаем, кто о чём думает. Только ему всё время смешно, а мне не всё время.

Делать нечего, я тётё Вале про кота рассказал: что с ним потом случается и как за ним убирать неприятно. И что за мной сейчас тоже убирать придётся. И что, если не верите, позвоните моей маме. А тётя Валя засмеялась весело и говорит:

— И не надейся. А после супа — вот.

И желе на стол из холодильника поставила, вишнёвое. Сверху вишни из компота, любимые мои. Две вазочки: мне и Костику.

Костику почти под нос поставила, а мою подальше. А потом подумала и вообще на подоконник убрала, к банкам с кусками

перцев и другими домашними заготовками. Я говорю:

— Тётя Валя, я суп потом съем, после желе.

И к окну потянулся. Тётя Валя мою вазочку в холодильник обратно сунула и говорит:

— Желе ты будешь есть только через мой суп. Дети сладкое должны после супа есть, я тебе как детская медсестра заявляю. Иначе ты диатезом покроешься, и у тебя заворот кишок случится в течение часа. И суп туда уже не пролезет, — и смеётся, аж в фоне на потолке звенит.

А Костик тем временем свой суп почти доел. Тарелку наклонил, бульон дочерпывает, желе взглядом гипнотизирует. Морщится, правда, но тарелка-то пустая почти. Не первый раз, видно, тётя Валя такое сварила. Натренировался.

Я Костику свой суп предложил. Он говорит:

— Да пошёл ты.

Правда, своё желе честно не ест, терпит и гнусавит сбоку, чтобы я быстрее, а то сейчас всё растает. А мне не собраться никак.

Тут тётя Валя и у Костика желе отняла, за компанию. Мне стыдно стало, конечно. Но суп от этого вкуснее не стал, и жир никуда не делся.

Тогда тётя Валя принялась мне дюлями угрожать. Дюли — это самое страшное, если у Костика в гостях остаёшься. Дюли — это, например, пол мыть. Только перед этим папа Костика, дядя Дима, начинает перфоратором

мелкую работу по дому делать. У него это на весь день. А мы с Костиком весь этот день стоим: он пылесос держит, я тряпку мокрую мну. Зачем пришёл в гости — непонятно.

Или, например, огурцы солить. Как-то раз мы ватой мокрой с балкона кидались и на машину дяди Димы попали нечаянно — точно в цель. Когда вата по стеклу разлетелась, дядя Дима из этой машины пять ящиков огурцов с базы выгружал. Он наверх посмотрел, а мы присесть не успели.

Дядя Дима домой огурцы принёс. По дороге они в дюли превратились: мы им до ночи попки с Костиком обрезали и в банки пихали, потом укроп, перец и всякое-разное. Пока не стемнело. А когда стемнело, тётя Валя кипятком по банкам разлила, чтобы рассол получился, и дополнительно дюлей нам выписала. В смысле говорит:

— Идите спать, чтобы я вас тут не видела, — и смеётся весело.

Телефоны у нас отобрала и сказала, что если нас из комнаты слышно будет, то будут дополнительные дюли в виде помидоров — до утра. Как раз дядя Дима вечером ещё помидоров привёз.

В общем, я дюли вспомнил, и они меня убедили насчёт супа. Только пока я на суп настраивался, он остыл. И к небу прилипать начал мелкими жиринками. А я себя самым несчастным котом в мире почувствовал.

Говорю Костику:

— Давай напололам? Друг ты мне или кто?

Костик головой мотаёт:

— Давай быстрее, я это желе с утра дожидаясь. Из-за тебя страдаю.

Костик — сладкоежка. Тётя Валя от него даже конфеты прячет в шкаф в спальне или в гардеробную. Но он их всегда находит. Поэтому тётя Валя нас в спальню редко пускает. Говорит, что это их с дядей Димой спальня, а не наша с Кости́ком, чтобы там шушер устраивать. И вообще там балкон есть. Нас туда тоже лучше не пускать никогда.

Тут у тёти Вали телефон зазвонил. Она глаза закатила и говорит:

— Ваня, иди отсюда. Потом доешь. Через полчаса, когда проголодаешься, — и в трубку захихикала. И холодильник с желе собой загородила.

Костик даже завыл. А тётя Валя говорит:

— Идите отсюда быстро, цветы полейте.

Хоть что-то, на балконе как раз ещё вата с прошлого раза осталась.

Мы воду взяли и пошли. Пришли, а ваты на балконе нет. И стекло балконное закрыто замком специальным, противохулиганским. Когда мы с Кости́ком мелкие были, дядя Дима замок привинтил, чтобы мы с балкона не вывалились. Потом свинтил. А сейчас обратно вернул. Наверное, чтобы наша вата не вываливалась.

А под замком, на подоконнике, перец в горшке, новый. Куст маленький, а перцев на нём, как

у моей мамы на балконе помидоров, — усыпано.

Костик горшок с перцем взял, любуется. Говорит:

— Соседка тётя Соня подарила.

Я таких красивых перцев в жизни не видел. Как клубники вытянутые, в листьях: висят, блестят. Точнее, видел два раза, на картинках: один раз на бутылке кетчупа, второй — на папиной пластинке группы «Рэд хот чили пепперс».

Папа любит ретро-вещи и пластинки собирает. Проигрыватель купил с иголкой, включает, когда гости приходят. Или когда один в кабинете сидит, отдыхает. После того, как с мамой на кухне покричит. У нас после этих криков кухня в помойку превращается: окурки на столе в пепельнице дымятся, мама посуду мыть перестаёт, она весь день в раковине копится. А папа в кабинете сидит. Мне папу жалко. На меня мама тоже орёт, я знаю, как это. Я сразу в кабинет к нему стучусь, он меня пускает. Я на пол сажусь, пластинки разглядываю. Выбираю, папу прошу поставить, чтобы не так тихо было в квартире только. Книжки листаю иногда. Но они без картинок, неинтересно. Потому что он сначала с мамой кричит. Потом молчит. Мама на меня переключается, если я у папы в кабинете спрятаться не успел. Вот на одной из пластинок папиных такие перцы нарисованы по краям, как этот, балконный, только без кустов.

Мне есть захотелось. Я подумал, может, тётю Валю суп

попросить разогреть и съесть его. Потому что Костик сказал, что конфет в спальне тоже нет, он вчера последние в шкафу нашёл.

Я в кухню сунулся. Но тётя Валя дверь на себя дёрнула и на кухне весело с телефоном засмеялась. Её от телефона лучше не отвлекать. За телефон она тоже как-то дюлей выписала в виде валяния ваток для всех кабинетов детской поликлиники, до самой ночи. Я это вспомнил и вернулся.

Сидим мы с Костикум на балконе, молчим. Костик, наверное, из-за желе обиделся, поэтому со мной не разговаривает. Я решил первым заговорить:

— Есть хочу, — говорю.

Костик заулыбался и говорит:
— Ешь.

И горшок с перцами передо мной ставит. Перцы-то красивые: спелые, пухленькие, мясистые. Я их пальцем потрогал: резиновые. И слюну сглотнул. Но это ж чили, я знаю. Я как-то кетчуп с этим чили на этикетке попробовал. В холодильнике нашёл, пластинку вспомнил, интересно стало. И потом как кот был, только искры из глаз ещё сыпались. Жгучий перец. Сомнительно вообще.

Костик говорит:

— Ваня, это другой! Он сладкий.

Я на Костика смотрю внимательно. Массаж вспоминаю. Может, потому что он тогда с точно таким же лицом мне расслабиться желал? И говорю:

— Почему сам не ешь?

— Ты что? — говорит Костик,

— Это такой перец вкусный. Сладкий. Болгарский. Я его берегу, ем по одному раз в день. Как конфеты. Но для друга не жалко. Вот, смотри, я вчера съел, — и на ветку пустую показывает.

Вообще, если Костик в тётю Валю пошёл, а она конфеты в шкафу прячет, чтобы удовольствие растягивать себе и Костику, почему бы Костику со сладким перцем то же самое не сделать? И ещё банки у них на подоконнике с перцами тоже не просто так. Но там куски у перцев здоровые. А эти мелкие, как у гномов шапки.

— Карликовый сорт, — говорит Костик. — Балконный сладкий перец. Твоя мама тоже помидоры мышинные на балконе выращивает, ты ж ешь.

Помидоры не мышинные, а черри, конечно. Сорт такой. Папин любимый. Они как виноград и вкуснее обычных.

Я ещё раз перец понюхал. Ничем не пахнет. Как пластмассовый. Но красивый — ужас.

Костик вздохнул, перец от ветки отодрал, напололам разломил. Перец хрустнул вкусно. Костик говорит:

— Смотри, какой он внутри аппетитный. На.

Я лизнул.

И на кухню побежал — воды просить. Потому что язык стало жечь хуже маминого кетчупа. Тётя Валя удивилась, воды дала. Сказала по кухне больше не шастать, у неё разговор, ей торт заказывают.

Я всю воду кипячёную из кувшина допил, но мне легче не стало. Я обратно пошёл, с Костиком ругаться.

А Костик на балконе сидит как ни в чём не бывало. Говорит:

— Слушай, этот не созрел. На, другой, он хороший. Я тебе клянусь. На, засморкай.

И руку на сердце положил. И глаза выпучил.

— Сам сморкай, — говорю.

Костик говорит:

— Не вопрос.

И новый перец на две части разламывает. И вроде как лизнул его даже.

— Ммм, — говорит. Глаза закрыл.

Но это ж глупость, чтоб на одном кусте перцы разные росли. Когда мама помидоры на балконе выращивала, у неё на одном кусте никогда разные не вырастали. А Костик:

— Ваня, я тебя когда-нибудь обманывал? Тот незрелый был. Смотри, я ем.

И в рот его кладёт — странно, не до конца. То положит, то вытащит. Смакует. Как дядя Дима сыр с плесенью. Я так не могу, я всё вкусное сразу съедаю. А Костик на дядю Диму похож, не только на тётю Валю. Как сейчас, например.

Я на перец посмотрел и запах от него услышал: вкусный, свежий. С помидорным оттенком. Так мне перец куснуть захотелось, просто кошмар. Костик с закрытыми глазами на всю спальню размычался. Он так даже от

конфет из шкафа не кайфовал никогда.

Я не выдержал. Взял у Костика свою половину сладкого перца и в рот целиком закинул. А потом сразу на кухню побежал. Даже забыл Костика сказать, что он мне больше не друг. Про доли забыл, про разговор у тётки Вали. Хорошо, что она уже договорилась, когда я в кухню влетел и стал искать, чем бы запить. Потому что вода в кувшине кончилась.

Я суп свой холодный, недоеденный, еле нашёл, потому что в глазах темно стало и поплыло всё. И с края тарелки весь суп с жиром выпил. И кричу:

— Ещё есть?

Тётка Валя глазами хлопает. Говорит:

— Не-а.

Тут Костик подошёл. Он от спальни до кухни так долго шёл, потому что полз от смеха на четвереньках.

— Мам, Ваня перец попробовал на балконе, ничего? — говорит. И свою половину показывает, подло несъеденную. — А то у тебя в супе перца не хватает, я добавил.

Тётка Валя засмеялась весело и говорит:

— Наоборот, очень полезно для иммунитета. Кушай на здоровье. Может, Вань, ещё заесть? Там каша манная с утра осталась, в холодильнике, не выкидывать же.

Я в холодильник полез за манной кашей. А что делать? Доел её всю, холодненькую. И тут я желе заметил за пачками сливок для взбивания.

— А желе можно? — говорю.

— Ага, — говорит тётя Валя тревожно.

— И мне дай, — говорит Костик. — Наконец-то.

— Сам возьмёшь, — говорю.

Хотя с трудом выговариваю, потому что слёзы сдерживаю.

Костик своё желе вытащил и говорит:

— Я ж как лучше хотел.

Тётя Валя на меня смотрит внимательно и говорит Костику:

— Ты тоже молодец. У него ж ожог на языке. Пошла я за конфетами, может, полегче станет, — и в спальню отправилась.

Очень вовремя, я своё желе давно съел. Ещё пачку сливок открыть попытался, не получилось. А ножниц не было. И начал на огромные перцы в банках поглядывать. Но попросить не решался. Вдруг там то же самое — гигантские чили?

А Костик тёте Вале вслед смотрит и говорит:

— Слушай, Ваня, извини меня, пожалуйста. На желе моё, ешь.

И вазочку с желе мне протягивает. Странная картина и подозрительная. Но желе-то там точно без чили.

Я желе взял. И Костика простил. Он всё же как лучше хотел. Хотел, чтобы я с супом ускорился. А теперь вот мне отдал любимое своё.

Тут тётя Валя вернулась, говорит:

— Константин, ты опять нашёл мои конфеты? Куда мне их засунуть, чтобы их от тебя уберечь-то?

Костик говорит:

— Мама, я их для Вани нашёл. Представляешь, как ему плохо было? Ты ж сама говорила, что друзьям помогать надо.

Я аж подавился. А Костик говорит:

— Ты же не будешь на Ваню ругаться за конфеты? Чужой сын всё-таки.

И тапкой по моей ноге постучал.

— На Ваню не буду, — говорит тётя Валя. — Но дюлей вам обоим выпишу, — и смеётся. — Потому что это ты, Костик, Ваню довёл до такого состояния. Он пустую вазочку, холодную, лижет.

Костик говорит:

— Я тут ни при чём, Ваня сам перец попробовать захотел. Два раза.

А я что скажу? И как, главное? Я язык вообще не чувствую. Я молчу.

А Костик мне в глаза заглядывает. Улыбается, зараза предательская.

А тётя Валя нас крем взбивать посадила. Вручную. Потому что у неё торт заказали, её фирменный. По рецепту 1956 года. Она торты печёт, подрабатывает.

В 1956 году миксеров не было. И тётя Валя всю технологию соблюдает. Точнее, обычно не соблюдает, но дюлей получше выдумать не смогла. Масло со сгущёнкой нам с Костиком выдали и две взбивалки древние. Мы сидели, ручки крутили до вечера.

Пока крутили, Костик меня ещё раз поблагодарил, что я весь суп съел и манную кашу. Потому что он дожидаться не мог, когда они

кончатся. Мне так обидно стало.

Тётя Валя на кухню пришла — из морозилки тесто для коржей доставать. И говорит:

— Ой, наледи сколько! Это ты, Ваня, холодильник плохо закрыл, наверное.

А Костик говорит:

— Мам, там ещё перцы остались. Давай мы Ваню угостим, и он всю наледь съест. И размораживать не надо.

Я подумал, что хорошо бы сейчас мою миску со сгущёнкой Костику на голову надеть. Но потом решил, что на пустую голову и миску пустую надевать надо. И что не буду больше у них на весь день оставаться, хватит с меня. И говорю Костику:

— Пошёл ты.

А тётя Валя говорит:

— Костя, тут ещё одно желе. Я забыла совсем. Тебе же не досталось.

И желе из холодильника вытащила.

А Костик из-за стола вылез. И принёс две ложки — одну для меня. А в желе вишен — половина вазочки. Все компотные остатки со дна. Радость-то какая.

Я тогда подумал, что, сколько на Костика ни обижайся, Костик всё равно со мной. И желе без меня не ест. Вообще во всём мне помогает. Он же не виноват, что у него фантазия такая и чувство юмора. И шутки дурацкими получаются. Но он не со зла. И вообще это ему урок, что он из-за своих шуток друга потерять может, и лучше бы ему так больше не шутить. И, может, он это понял.

А потом домой пришёл, мама сказала мою помойку в виде комнаты убрать. И бабушке на растопку тетрадки собрать ненужные. И на меня из верхнего ящика «Книга победителя» вывалилась. Я вспомнить попытался самое значимое, что с осени произошло. И записал:

«31 декабря 2015. Я — К. 2:1. Константин Светлов размочил счёт. Костюм снеговика».

Это мама мне на Новый год костюм снеговика из стекловаты спшила, чтобы шары не опадали. Я по сценарию песенку снеговика на английском пел. И я к концу школьного утренника до крови себе всё расчесал и орал на всю школу недопустимые для ученика третьего класса слова. А Костик по полу от смеха валялся. У него даже уши зайца от резинки отлетели.

«Весна 2016. Я — К. 2:2. Голубь».

Это мы на стадионе гуляли, и голубь Костику футболку испортил. Половину спины. А Костик говорит:

— Ваня, посмотри, что там такое?

Я говорю:

— Похоже на майонез.

Костик говорит:

— Слушай, попробуй, а? Точно не сметана?

И получилось «2:2».

Но я про голубя записал — и этот позор зачеркнул сразу. И про снеговика тоже. Одни неприятные воспоминания. Вернул счёт на «2:0». Решил только крупные победы и поражения записывать. И написал:

«22 апреля 2016. Я — К. 3:1. Жир. Ничья в третьем тайме. Иван Борисов ведёт в общем зачёте».

Стал страницу переворачивать и полстраницы оторвал. Гадостью мазутной прилип всё-таки к «Книге победителя». И свою архивную запись про уринотерапию варварски повредил. Чем это всё чистить-то? Может, уринотерапию попробовать? Тоже нормальный вариант. Костик бы сразу предложил.

Я к скважине сходил, руки вымыл. На обратном пути в телефоне сёрфил. «Гугл» пишет: «Специализированные средства для чистки карбюратора». Где тут, в глуши, специализированные средства? Пять с половиной домов, один ларёк продуктовый. На всех сайтах подряд: бензин нельзя, солярку нельзя. Реально уринотерапию надо.

Вадик к сараю подошёл:

— Мда, — говорит. — Счастливо, Иван.

Я рукой махнул. И он чуть так в город и не уехал. Но я вовремя сообразил. Говорю:

— Вадим, а у вас в городе случайно очистителя для карбюратора нет?

А почему бы у сотрудника Эрмитажа не было очистителя для карбюратора? Мотоцикла у него точно нет. Но это же не причина очиститель не иметь.

Вадик говорит:

— Привезу, Иван, обязательно. Я говорю:

— В принципе могу в деревне поискать.

И представил себе, как бы мы с Костиком сейчас вдвоём по деревне пошли. Костик такое любит. Пришёл бы в дом с мотоциклом, сказал бы: «Вот у нас тут какое-то... бурое стекает. Ваня, не знаешь, кто это натворил? Это точно не ты?» И заржал бы, как дурак. Ещё сказал бы, что я этот карбюратор уринотерапией чистил, а потом что-то не так пошло.

Но я бы что-нибудь в ответ придумал, конечно. Я к седьмому классу уже научился с ним разговаривать не хуже тёти Вали.

Вадик говорит:

— Привезу. Мда.

И уехал вместе с Костиком в город. А я в сарай пошёл разорванную «Книгу победителя» дочитывать.

На другом развороте друг за другом хроника в столбик пошла: «19 февраля 2019. Я — К. 3:2. Банки».

«21 сентября 2019. Я — К. 3:3. Насморк». (Зачёркнуто).

«22 сентября 2019. Я — К. 4:2. Разгромная победа в общем зачёте. Как — врачебная тайна».

Врачебная тайна

Тётя Валя у Костика очень хорошая медсестра. Она свою профессию любит, всё время статьи в интернете читает про новое в медицине. Только папа не зря шутит, что ей испытывать это новое, что она в интернете прочитала, не на ком. Костик почти никогда не болеет. Костику везёт, мне не очень.

А я болею часто и школу часто пропускаю. Мама расстраивается и

тёте Вале звонить начинает, спрашивает, как меня лечить. Тётя Валя всегда хорошие советы даёт. Это мама так считает, что хорошие.

Иногда тётя Валя меня осмотреть приходит. Или лечить. Они с Костиком и дядей Димой в соседней парадной живут, очень удобно. Но мне тёти-Валино лечение никогда не нравилось.

В первом классе я зимой бронхитом заболел. Тётя Валя мне уколы начала делать, витамины колоть. Витамины колоть больно, ужас. И у меня день рождения случился, девять лет, как раз в день последнего укола. Гости пришли: Костик, тётя Валя с дядей Димой и папины знакомые с работы. Папа адвокат, у него важных знакомых много. И все в дверях столпились, хотя их не приглашал никто на меня смотреть. Я на кровати лежу, укол жду. Думаю, что вот у меня праздник, а уколы с каждым днём всё больнее становятся. И сейчас тётя Валя вонзит. Последний. Самый больной, значит. Мне плакать захотелось, а лучше убежать. Но куда мне бежать?

А тётя Валя меня ваткой натёрла вонючей, мокрой. Ампулу ломает. Шприцем шелестит. Говорит:

— С днём рождения, Иван! Не болей!

И как вколет!

Я как заору:

— Дура!

При всех. И ещё орал не помню что. Тётя Валя засмеялась весело, как обычно. Гости тоже обрадовались, хихикать начали.

Но я на них не смотрел, я покрывало кусал: терпел и орал в покрывало то же самое. А мама с тех пор всё время этот случай вспоминает и говорит:

— Сын адвоката Сергея Борисова, на всю квартиру! Орал чёрт-те что!

Потом банки были. Тётя Валя тогда изучала древние методы в медицине. А тут я подвернулся, с воспалением лёгких. Меня из больницы выписали, сказали дома долечиваться. Тётя Валя вечером к нам после работы прибежала с банками. Банки тётя Соня дала, их соседка, поэкспериментировать. Тёте Соне лет сто, она, наверное, тоже раньше медсестрой была, поделилась опытом. Они с тётей Валею всё время опытом делятся. И тётя Соня тётю Валию во дворе рекламирует и в группе нашего дома, в интернете. Тётя Соня тогда как раз интернетом пользоваться научилась. Под всеми постами советы давала. У тёти Вали сразу подработок прибавилось: она после работы стала по парадным ходить и капельницы с уколами всем делать, кто болеет.

Тётя Валя пришла, погромела на всю квартиру пакетом с банками и говорит:

— Ложись.

Я лёг, а она зажигалкой чиркать начала и вату на палочках поджигать.

— Что сейчас будет? — спрашиваю.

Тётя Валя говорит:

— Врачебная тайна, — и лицом в покрывало меня впечатала.

Я опять покрывало кусать начал и орать. Только я уже постарше был и хорошо помню, что орал. Всё, что на даче слышал у магазина, всё проорал. А вообще я в первом классе такими словами не ругался, у нас в семье никто не ругается. Я даже сейчас в восьмой перешёл — всё равно не ругаюсь.

Но тогда не сдержался. У меня спину в эти банки затянуло так, что я потом и кричать не мог. И сразу поправился, конечно. И еле ходил потом, со спиной как у леопарда. Хорошо, что меня на две недели в школе от физры освободили после воспаления лёгких.

Но Костик про банки знал и всё равно ржал, просил посмотреть. Но я не давал. А потом биология была. Мы клетки у растений проходили. Нам микроскопы выдали со стёклами, строение изучать. И картинки разных клеток: круглых, овальных, не понять каких. Мы сначала клетки изучали и в тетрадках рисовали. А потом Костик рубашку мне задрал и говорит:

— Ваня, да ты овощ.

И под стол от смеха пополз.

Если так посмотреть, то я не овощ, а орех. Потому что только у ореха клетка круглая. А Костик — двоечник. Говорю Костику:

— Я орех! А ты debil.

Все заржали. А я до конца уроков с Костиком не разговаривал. И на следующий день тоже.

Короче, что освободили меня от физкультуры, что нет, всё равно опозорился, только не в раздевалке, а на биологии.

Правда, потом Костик извинился и сказал, что не знает, что на него нашло. И что тётя Валя одумалась, потому что её на работе засмеяли, и она банки тёте Соне обратно отдала. А тётя Соня ими пуделя лечить вздумала. У тётки Сони пудель круглый, как шар. Ему тоже лет сто, еле ходит. И ещё он лает, как кашляет. Раньше лаял, а после банок вообще замолчал.

Тётя Соня решила пуделя банками от кашля вылечить. И шерсть ему подожгла ваткой на палочке. Пудель чуть не сгорел. Тётя Соня орала. Тётя Валя пуделя пылающего на лестничной площадке ловила, а дядя Дима его пеной для бритья тушил. Пудель сразу кашлять перестал. И на людей реагировать. И теперь пудель еле ползает, ещё хуже, чем раньше. А тётя Соня в этих банках теперь огурцы солит.

Костик придумал, конечно, насчёт огурцов. Там банки другие, как лампочки, в них ничего не посолишь. Но мне смешно стало. И я на Костика обижаться перестал. Я вообще на Костика долго обижаться не могу. Тем более, когда он извиняться начинает и что-то смешное рассказывать. Хотя всё равно мне обидно было: Костика, в отличие от нас с пуделем, банками не лечили. Я ещё массаж вспомнил. И много ещё всего.

В общем, когда мама тётке Вале звонит спросить, как меня лечить, мне сразу ещё хуже становится. И предчувствия нехорошие начинаются. И тут я, как назло,

в начале седьмого класса опять заболел, на этот раз вместе с Костиком. Не сильно, насморком, но насморк у меня долго не проходил. У Костика тоже, неделю. А потом у Костика прошёл, а у меня нет. У меня будто что-то внутри между носом и горлом застряло, никак не высморкать. Я так громко сморкался, что мама тётё Вале позвонила и спросила, что со мною делать. Тётя Валя ей говорит:

— Уринотерапия.

Когда мама мне это сказала, я сначала не понял. А потом обалдел. И отказался. Но не тут-то было. Мама мне баночку для анализов дала и пипетку и говорит:

— Главное, сразу вдохни. И всё.

И в ванную меня пихает.

— А Костик этим вылечился? — спрашиваю.

— Этим, иди живо, — говорит мама.

Я сначала Костику хотел позвонить, спросить, как оно. Но передумал. Ему лучше вообще не знать, чем я собираюсь заниматься. Я из ванной вылез:

— Мам, я попробую, конечно. Только ты не говори тётё Вале, что я попробовал. Скажи, само прошло.

— Договорились, — говорит мама.

— Врачебная тайна, — кивнул я и дверь в ванную с другой стороны закрыл.

Я час с банкой анализов просидел, любовался. А потом мама в дверь колотить начала, кричит:

— Ну что, прокол будем делать?

Прокол я делать точно не хотел. Мне проколы делали, когда у меня гайморит был. Тоже в носу всё застряло, не вдохнуть было. Череп хрустел на всю больницу. Мама кричит:

— Открывай, я сама закапаю!

Такого унижения нормальный человек не вынесет. А мама просто так не отступится. Поэтому лучше самому.

Мама за дверью начала тётёй Вале угрожать. И я понял, что она точно не отстанет. Проще закапать и забыть. И я закапал. Но разве такое забудешь?

У меня глаза чуть не вывалились. В носу стало жечь так, что я забыл, как дышать надо: вдохнул — и всё, ни туда, ни сюда. И в глаза пошло. И все сопли разом вылетали. Что же это за инновации такие? Сил нет. И я подумал, что ослепну, наверное.

Из ванной вылетел, кричу:

— Мама! Глаза!

Мама сначала глазами захлопала, тётё Вале звонить побежала. А тётя Валя ей сказала, что она этот метод в интернете нашла, все хвалят. Что анализы — это природный антисептик и организм не ошибается. Вообще это нормально, когда глаза щиплет, там же слёзные протоки и пазухи. А в пазухах что только не скапливается. Ждите, говорит, сейчас все сопливые густки вылезут.

— А у Костика тоже всё жгло? — мама спрашивает.

Не жгло, оказывается. Потому что тётя Валя уринотерапию сначала на Костике проверить хотела,

но у него насморк утром сам прошёл, а тут я с угрозой осложнений.

Мама громкую связь включила, и последнюю фразу я очень хорошо расслышал. И расслышал, как Костик рядом ржёт.

Я почувствовал, что глаза уже меньше щиплет, зато они видят хуже, потому что слёзы потекли уринотерапию смывать. Потому что ослепнуть — это полбеды. А то, что Костик в курсе, чем я насморк вылечил, — это трагедия. Он обязательно в школе ляпнет. Потому что у него любая тайна перестаёт быть тайной, если это повод поржать. Хоть три раза врачевная.

Мама тётё Вале рассказала, как я по квартире бегал и орал. А тётя Валя говорит:

— Да ты что! Я Софье уже уринотерапию посоветовала! Она меня перед всеми клиентами сейчас опозорит. Что делать? Ой, у меня что-то сердце заболело.

Мама громкую связь выключила. А я Костику побежал звонить и просить об уринотерапии никому не рассказывать.

Костик поржал, конечно, и говорит:

— Постараюсь.

Он и про банки старался, не получилось. И про массаж, а потом всё равно все узнали. И если он сейчас про уринотерапию в школе вспоминать начнёт, я погиб.

Я всю субботу мрачный ходил. А в воскресенье у меня и правда насморк прошёл. Утром последняя куча разноцветных соплей

вылетела — и всё. Мама сказала, что организм с вирусом справился. И спросила, не было ли там булки с изюмом? Просто я однажды задумался и булку в нос запихнул.

А потом мама насыпала два мешка яблок с дачи, а то их девать некуда — тётё Вале и тётё Соне. И сказала на весь день к Костику идти, потому что ей до ночи уехать надо, её Вадик в кино пригласил и по городу погулять. Он недавно за мамой ухаживать начал. Хотя мама с папой давно развелись, ещё когда мы с Костином в третьем классе были. Кричали-кричали на кухне. А потом развелись.

Я решил, что с Костином заодно ещё раз насчёт уринотерапии поговорю, и пошёл. И яблоки по дороге тётё Соне занёс.

Костик пообещал врачевную тайну в секрете держать. Но когда обещал, ухмылялся подозрительно. И я засомневался.

Ещё Костик рассказал, как тётя Соня прибежала с пуделем и кричать начала, что больше его маме не доверяет. И что не видит ничего, что тётя Валя за это ответит. И она всем в нашем доме расскажет, и тётё Вале все верить перестанут. И убежала. Поэтому тётя Валя с вечера грустная ходит, потому что за науку пострадала. И даже плакала. Потому что они только на её подработки живут, а дядю Диму с работы недавно уволили.

Тётя Валя в комнату заглянула и отправила нас на балкон цветы

поливать. Мы по яблоку взяли и пошли. Конечно, тётя Валя расстроилась. Я никогда не видел, чтобы она плакала, она всегда только смеялась весело. Даже представить себе не мог, как она плачет. И теперь, наверное, ей одной побыть хотелось. И Костик тоже грустный ходил. Ржал, но не так, как обычно. Костик тётю Валю любит. Мы на балкон пришли.

Оказалось, что дядя Дима на балконе окна помыл и антихулиганский замок забыл обратно прикрутить. Мы на улицу посмотрели, а там внизу тётя Соня с пуделем идёт и ещё какой-то старушкой. А пудель и правда еле тащится. Толстый и обгоревший какой-то, с проплешинами. Мы быстро яблоки сгрызли, и я первый в пуделя, мимо. Почти попал. Но пуделю было всё равно. Костик прицелился (тётя Соня только руку с платочком к носу поднесла). И кинул. И попал ей прямо в платочек. Костик говорит:

— Засморкала тётя Соня ваши яблоки.

Мы так ржали. Тётя Соня даже голову не подняла, а встала как вкопанная и давай этот огрызок рассматривать. Зато старушка вдруг наверх посмотрела и нас засекла. Мы присели, но она успела, потому что она кричать начала про родителей и что сейчас они к нам придут с собакой разбираться.

И пришли. Мы в спальне под кровать с Костином залезли, но тётя Валя нас быстро нашла и в прихожую обоих выпихнула. А там тётя

Соня кричит, что сейчас про всё в группе дома напишет, под всеми постами. Что её сын безлимитный интернет подключил, этого интернета теперь на весь рассказ о том, как тётя Валя всех уринотерапией калечит, хватит. И как с её балкона огрызки вылетают в носовой платок. Какие родители, такие дети.

Тётя Валя бледная стоит и говорит дрожащим голосом:

— Константин, вы что творите?

«Творите» она уже так тихо сказала, что мне «твари» послышалось. Константин, что вы за твари такие с Ваней? Я вообще не обиделся. Мне её так жалко стало, что я себя хуже твари почувствовал. Говорю:

— Тётя Соня, вы извините, что вмешиваюсь. Я тётю Валю давно знаю. Она лучшая медсестра у нас в поликлинике. А то, что вы огрызок высморкали, спасибо скажите. Знаете, сколько я уже всего высморкал? Такая гадость из носа вылетела, аж страшно, из пазух, где всё скапливается. Если б не тётя-Валина уринотерапия, мне бы проколы две недели в больнице делали, а так я за один день поправился.

Тётя Соня моргнула и говорит:

— Очень интересно, а как это у меня вот этот огрызок в пазухи попал?

Я говорю:

— Не знаю. Но мне вот кусок конфеты попал за обедом, вдохнул. И ещё булка с изюмом. Ел — и залетело. Там же в носу всё взаимосвязано. Я б вам показал,

но высморкал уже. Спасибо тётё Вале.

Это я мамины слова вспомнил. И ещё как изюм из булки в нос зачихнул, когда мультики смотрел. Вдохнул, а он в рот провалился. И мама объясняла, что это не у меня в голове дыра, а просто нос и рот между собой связаны. А дыра у моего отца в голове, потому что он сыном вообще не интересуется. Даже не дыра, а тоннель у него в голове, получается. Огромный. Потому что у отца теперь новый сын, и про меня забыть можно. И про то, какое у меня развитие в седьмом классе, что я в нос булку пихаю, тоже.

Старушка, которая с тётёй Соной пришла, говорит:

— И правда. Я тут чай из блюдца пила, так он у меня через нос обратно полился. Взаимосвязано.

Тётя Соня ещё раз моргнула и говорит:

— Точно. Я яблоки ела недавно с вашего огорода. Вот оно что в носу мне покоя не давало!

— А сейчас прошло? — тётя Валя спрашивает. И смеётся.

— Ну да, — говорит тётя Соня. — Вроде прошло.

— Слава богу, — говорит тётя Валя, — а то у меня аж давление повысилось.

— А мы на балконе просто цветы поливали, между прочим, — говорит Костик.

— Къш отсюда, — говорит тётя Валя. И хохочет. И мы обратно в спальню побежали. А тётя Валя кричит:

— Не смей! Быстро на кухню,

яблоки на повидло резать, — снова дюлей нам выписала.

Но потом, когда за тётёй Соной дверь закрыла, на кухню пришла. Сказала, чтобы мы шли играть, там Костик как раз новую игру скачал. Только чтобы на балконе нас она больше не видела. А потом на меня посмотрела внимательно и говорит:

— Ваня, я маме про балкон не расскажу. Но ты тоже про урино-терапию в классе не распространяйся, ладно?

И Костику кулак показала:

— А если ты чего ляпнешь, приблю. И платных игр больше не будет.

— Врачебная тайна! — хором сказали мы с Костиком и побежали к нему в комнату.

И Костик ничего никому в классе не рассказал. И я тётю Валю потом неделю в школе про себя благодарил. Потому что она меня спасла.

Мне только перед этим летом ясно стало, что ей тогда меня спасти ничего не стоило, она же себя спасала. И меня заодно. Я тогда не знал, какая она на самом деле. И что она предательница. А когда узнал, так обалдел, что под счётом «4:2» в мою пользу написал:

«12 мая 2020. Результаты признаны недействительными. Иван Борисов + Екатерина Борисова — Константин Светлов + тётя Валя Светлова. 100500:0 в командном зачёте в нашу пользу. Причина проигрыша команды Светловых: физиологические придурки».

Физиологический двоечник

Нам с Костиком в школе всё время весело было. И всё время боком выходило.

В третьем классе, когда ещё папа с нами жил, Костик у нас дома тоже постоянно тусил, как я у него сейчас. И мы на нашем балконе рыться любили. С него ватой и огрызками кидаться неудобно, он над крышей. Но зато завален всяким-разным, как сарай на даче.

Однажды мы с Костиком старый дверной замок откопали. Звонок старый, а звонит как новый, пронзительно. Очень на школьный похоже. Папа Костика разрешил звонок себе забрать. Костик его в школу принёс. А к нам как раз учителя прислали, новенького. Практиканта из института.

Учительница его в раздевалку встречать пошла на перемене, потому что он ей три раза позвонил и сказал, что кабинет найти не может. И пока она за ним ходила, Костик придумал звонок в подкладку стула запихнуть.

Практикант в класс зашёл, весь в красных пятнах. Нервничал, наверное, первый раз в школе. Представился, не помню как, и говорит:

— Тема урока: «Мягкий знак после шипящих».

И закашлялся. Тут звонок на урок зазвенел. Мы встали. Мы всегда после звонка перед уроком вставали. А практикант говорит строго:

— Звонок для учителя.

Костик сбоку простонал тоненько. И губы кусать начал. А учительница говорит:

— Это они вас приветствуют.

Практикант сразу весь в одно большое пятно превратился, бордовое. Учительница говорит:

— Ладно, я в учительскую пойду журнал заполнять. Внимательно слушайте, — и вышла.

А практикант долго про мягкий знак после шипящих рассказывал. Но мы с Костиком не слушали, потому что ржали. И слёзы по парте размазывали. Предвкушали, как он на звонок для учителя сядет. Я даже икать начал на весь класс и на стуле подпрыгивать.

Практикант долго не садился, дрожащими руками на доске слова записывал и предложения. И дрожащими ногами около доски топтался. А потом на стул сел. И звонок зазвонил. Мы вскочили всем классом. И практикант вскочил, на часы смотрит, не понимает ничего. Говорит:

— Звонок для учителя.

Все сели, конечно. А мы с Костиком легли от смеха. Практикант озираться начал, как тети-Сонин пудель, когда мы в него мокрой ватой с балкона попали прямо в лоб. И опять вскочил, ничего не понимает. Звонок, конечно, не такой громкий, но звонок же. Школьный звонок. Для учителя, всё сходится. Когда так нервничаешь, трудно понять, отчего он срабатывает. В общем, пока практикант догадался, откуда звонок звонит, мы так и вскакивали

туда-сюда. А когда он догадался, в класс уже завуч вместе с нашей учительницей влетели, звонок из стула в четыре руки выковыряли и кричать стали, кто это на всём втором этаже уроки посрывает и чей это звонок.

Звонок-то мой был, весь класс видел, как мы его вместе с Кости-ком в стул запихивали. И кто-то на перемене настучал. Маму с тётей Валеёй на педсовет вызвали. Но пришла только моя, тётя Валя к врачу поехала, у неё сердце разболелось. Моей маме за нас обоих влетело. Она оттуда вышла и сказала, что нас с Кости-ком на балконе больше не будет. И Костика в нашем доме тоже. И что наша дружба дурацкая ей уже надоела порядком, и что Костик мальчик не моего уровня. (Про уровень она всегда говорила, когда ей чей-то ребёнок сильно не нравился). И она с тётей Валеёй разговаривать будет. И что из школы нас не отчислят только благодаря ей и папе моему, адвокату. Школа у нас очень хорошая, экономическая гимназия, правда, могли отчислить.

А Костик ещё в раздевалке поржал, когда мы домой собирались. Почему ему не страшно было, что тётя Валя ему дюлей выпишет? Мне вот страшно было, что Костика со мной больше ночевать не оставят. Я только на папу надеялся, что он нас с Кости-ком защитит.

Мы когда одевались, звонок прозвенел как раз, на седьмой урок. И Костик начал угорать:

— Ваня, это практикант на продлёнку пришёл. Куда ты собираешься? Маму подожди свою. Сейчас тётя Катя опять на педсовет пойдёт. Надо маме твоей позвонить, чтобы далеко не ушла, а то сын адвоката ещё до конца семью не допозорил.

Вообще мне сначала везло, что я был сыном адвоката. Мой папа был очень хорошим адвокатом и меня всегда от мамы защищал. Костик говорил, что мой папа — адвокат дьявола. И ржал.

А папа говорил, что из хулиганов потом Стивы Джобсы вырастают, он таких как раз в суде защищает. И я их с мамой на старости лет точно прокормлю, когда поумнею. И что живой ум — залог интересной жизни. И не ругал меня никогда, а смеялся, как тётя Валя, весело, что бы я ни натворил. И наказывал нестрашно: заставлял меня наизусть правила по русскому учить или по другому предмету, если мы на нём с Кости-ком натворили.

Папа говорит:

— Главное, чтобы все хорошо учились. От сих до сих, и чтобы от зубов отскакивало. Всё, сынок, иди, не мешай.

И мама успокаивается.

Поэтому домой не особо страшно идти. Папа мне правило на мягкий знак после шипящих выучить скажет — и всё. Только неприятно из-за Костика и того, что мама теперь о нём плохого мнения.

Иду и гадаю, каких на этот раз дюлей тётя Валя Костику выпишет. Но Костику тогда за звонок

ничего не выписали, мама тётё Вале не стала жаловаться. Потому что, когда я домой вернулся, маме не до тётё Вали было и не до Костика. Она дверь закрыла, на кухне курила и музыку слушала. А потом плакала громко, я через стенку слышал.

Потому что папа от нас ушёл в другую семью. И у него теперь новая жена будет и ребёнок.

Костик после этого к нам в гости ходить перестал, только иногда мог забежать ненадолго. Мама сразу говорить начинала, что у неё дел куча и чтобы мы гулять шли, под ногами не путались. А ещё лучше, чтобы я шёл уроки делать и двойки исправлять. И тётя Валя тут же Костику звонить начинала, как специально. Спрашивать, где он, потому что домой пора.

А потом я к Костику часто начал ходить и ночевать у них. И мама долго не вспоминала, что Костик на меня влияет плохо. Она занята была сильно. Личную жизнь устраивала. А я у Костика поселился. На три года. Пока у неё Вадик не появился и мы опята в школе не отличились.

Когда Вадик появился, мама снова стала на родительские собрания ходить, иногда. А до этого она два года только на свидания ходила. Даже к учителю немецкого не пришла, когда мы в пятом классе с Костиком ему чесоточный порошок подсыпали. Костик порошок у дяди Димы нашёл, пачку из прошлого, в кладовке. Дядя Дима ничего не выкидывает.

Наверное, этот порошок тоже пожалел. И ещё «Книгу мудрости» рукописную. Тетрадку толстую, на которой от руки «Книга мудрости» написано кривым почерком. Я тогда сразу понял, что в этой книге тоже что-то сокровенное написано, как в моей «Книге победителя». Но дядя Дима «Книгу мудрости» у Костика из рук выдрал, и мы так и не узнали, что именно в ней было, только название прочитать успели. А на пачке порошка было написано: «Магазин «Шалун». Искусственные блохи-почесуны. Новинка-1995. Смывается водой».

Костик пачку почесунов в задний карман спрятал, и мы сначала на себе попробовали, на руки посыпали. Исчесались все, тётя Валя нас таблетками от аллергии лечила. И мы весь вечер с руками под краном сидели. Мне папа позвонил, я даже трубку взять не смог. А потом я перезвонил, он сам не взял. Папа мне после развода вообще раз в полгода звонить начал, когда новой жены рядом нет. Мама так говорит. Но если это неправда, зачем он мне вообще звонит тогда? Мама говорит, когда новая жена куда-нибудь уходит, к папе совесть приходит и мучить начинает страшно. А потом совесть с новой женой опять местами меняется, и всё, папа больше не звонит и трубку не берёт. Жена от папы вообще не отходит, получается.

А тётя Валя так и не поняла, на что это у нас аллергия случилась. И остатки порошка мы в школу

принесли и перед немецким стол аккуратно посыпали, ровным слоем. А немец у нас шутки не любил. Чуть что:

— Айнэ цвай, рисую вам лебедя, — и рисовал. Почти всем рисовал, кроме Наташи, она отличница круглая. У неё пятерки по всем предметам. Ну, и круглая тоже, как я, пухлая. Но симпатичная, с волосами как у мамы, длинными.

Немец за стол сел и говорит:

— Людвиг дас Гешпенстеркинд.

Рассказывать будем, значит, наизусть про Людвиг — дружелюбное привидение. Мы «Людвиг» весь год каждый урок пытались рассказывать. У нас немецкий только в пятом классе начался как второй язык. Поэтому мы его с нуля. И сами как нули. А с первого класса у нас только английский был. И гимназия экономическая. В общем, только круглая отличница Наташа могла немецкий зубрить, у неё характер железный, не зря её в Совет гимназии единогласно каждый год выбирают, а остальным каждый день лебедей рисовали.

«Людвиг дас Гешпенстеркинд» начался. И немец порошок со стола смахнул. Думал, наверное, что пыль насыпалась. И мы с Костином под парту от смеха давиться полезли. В общем, на том уроке немец ни одного лебедя нарисовать не смог. И как привидение по классу летал, только не дружелюбное, а несчастное и злобное. И выл. А потом в туалет полетел, как лебедь.

Но немец как-то понял, что это мы с Костином. Может, потому что

мы ржали громче всех. И маму с тётёй Валею к директору вызвали. Но моя не пришла. Только дома орала, что я сын адвоката и позорю семью. Хотя кого я позорю, если папа в нашей семье второй год вообще не появлялся и звонки мои скидывал почти всегда?

А потом к маме Слава в гости пришёл. И я сразу перестал быть сыном адвоката, стал полусыном Славы, Ванюхой, и меня отправили в гостиную «Ютуб» до ночи смотреть с тазом фейхоа. Слава меня немецкий бы никогда учить не заставил, просто бы не додумался. Он только до фейхоа додумался, личи и драконьего фрукта без вкуса и запаха. И не смеялся вообще никогда, неудивительно. Разве человек с чувством юмора принесёт на свидание таз фейхоа? Костик ещё ржал, что на фейхоа он маме моей сдался с этой кислятиной.

Потом мама с Игорем встречалась. Тоже вспомнить нечего. Мама к его приходу свечи зажигала по всей квартире. Он не смеялся вообще ни разу. Такая тишина в квартире стояла, как на кладбище или в церкви. Если б не мой «Ютуб», даже страшно, фильм ужасов. Какой тут немецкий? Игорь и русский не знал, мне кажется.

Потом был Виктор Иваныч, он вообще по квартире крался, и я его не видел никогда. Только слышал из комнаты, как мама говорит: «Проходите, Виктор Иваныч». И смеётся весело, примерно как тётя Валя. Но в три раза громче. А он — ни звука. И много кто ещё до Вадика был.

Один Женя хохотал и на гитаре песни орал у нас на кухне. И ко мне всегда в комнату заглядывал, ролики смешные на «Ютубе» советовал. Ему тем более было наплевать, как я там учусь. В общем, он мне понравился. А потом мама домой прибежала вечером и стала всю квартиру мыть, кружки кипятить и диван выкинула. Не знаю, в чём там было дело, чума у него оказалась, что ли. Или ещё заразнее что-нибудь. Но больше я Женю не видел. И вообще долго никого после Жени не видел. Года два у нас дома не появлялся никто. Но я всё равно у Костика часто оставался. У мамы вечно дела были или на работе что-то случалось.

А потом, когда я уже в шестом классе был, Вадик появился. С рыжими усами, зубной щёткой и детской книжкой про то, как в Эрмитаж пришёл поэт. Но у Вадика чувства юмора было даже меньше, чем у всех, кто до него приходил. Он тоже молчал и иногда только говорил:

— Мда.

Вадик к нам ходить начал, а мама на собрания в школу иногда. И воспитанием моим занялась, когда я домой от Костика возвращался. А Вадик в Эрмитаже работал научным сотрудником. А по вечерам к нам приезжал.

И мама к нему ездила. Я тогда тоже к Костику шёл на ночь. А один раз не пошёл, потому что тётя Валя в больницу на пару дней ложилась, она год назад часто болеть стала, всё время в больницах

лежала, а у дяди Димы подработки были. Мама Вадику сказала со мной заняться чем-нибудь. И по работе уехала. Тут я окончательно убедился, что Вадик не папа и весело с ним не будет никогда.

Вадик долго думал, чем со мной заняться, и говорит:

— Давай сливки купим.

Вадик сладкое любил больше Костика. Начал мне рассказывать про взбитые сливки с орехами, как это вкусно. И как это волшебное. Он так рассказывал про эти сливки, что мне смешно стало. Просто представил, как Костику это рассказываю.

Купили сливки.

Вадик на обратной дороге так о сливках говорил, будто он ради них только и живёт. И в музее работает, чтобы только на сливки заработать. И ему от этого немного грустно, но что делать? Он у квартиры подытожил:

— Это волшебное. Мда.

На кухню пришли, Вадик говорит торжественно:

— Иван, взбивай!

Я приготовился, что сейчас что-то будет. Начал взбивать, он орехи ступкой для перца колет. А потом я сливки перевзбил. И они в масло с водой превратились: мутная вода отдельно, в ней масло плавает. Обалдеть десерт. Я стою, ржу. А Вадик усы свои рыжие в воду с хлопьями масляными опустил, расстроился почти до слёз. Сидит с банкой в одной руке, в другой венчик. Венчиком голову чешет.

— Мда, — говорит.

Я вообще упал от смеха. Представил, что он сейчас на кнопку нажмёт случайно — и скальп наматывается. Мама придёт и это всё увидит. А Вадик сидит, даже не улыбается.

Я не выдержал и в ванную побежал Костику звонить. Костик хихикнул и говорит:

— Смотри, чтобы в ухо не зачихнул, а то извилины от мозга отойти могут, как то масло.

Потом сказал, что занят, они тётю Валю собирают на обследование. Что ему сейчас не до Вадика, потому что тёте Вале плохо совсем. И скинул меня. А мне всё не успокоиться было, нашло что-то. Уньлому Вадику, наверное, обидно было мой гогот из ванной слышать.

Он до вечера скучный ходил, усы вниз. Может, он маму укусил, что мама начала в этом году на собрания скучные ходить? Не каждый раз, но всё равно начала. И уроки мои просматривать иногда. Ей всё скучное и уньлое нравиться стало.

И тут как раз педсовет весной случился. По поводу меня одного.

Мы с Костиком на биологии ржали, потому что биологичка решила рассказать про физиологический процесс в жизни млекопитающих — размножение. Это она так сама сказала. И начала издали, мол, у всех в организме разные физиологические процессы случаются.

Но мы-то с Костиком знали, к чему она клонит, и больше ничего уже не слышали, как тогда,

на русском, в третьем классе. Там мы звонок подложили практиканту, а тут свинью биологичке. Потому что после нас заржали все. Биологичка выкрутиться попыталась, говорит:

— Смеяться — это тоже физиологический процесс, между прочим.

Она у нас пожилая и стеснительная. Даже когда про деление инфузорий-туфельек рассказывала, краснела. А тут физиологические процессы. И класс вповалку.

Костик ещё кота вспомнил. У них книжка была старая, из девяностых. Про то, откуда берутся дети. Там на каждой странице кот был нарисован с очень удивлёнными глазами. Он из этой книжки тоже про размножение в первый раз узнал, наверное. Это понятно, когда этого кота рисовали, интернета не было. В общем, биологичка нас рассадила. Но ржать мы не перестали.

А потом физкультура по расписанию была последним уроком. Мне туда идти страшно не хотелось. Потому что я там всегда позорюсь. По канату не залезть, я пухлый, мышц у меня нет. Толчковая нога у меня левая, и на прыжках я один с другой стороны стою. С бегом у меня вообще всё плохо. Я один раз в другую сторону побежал, мне это забыть не могут. Только один раз норматив сдал, когда меня Костик с массажем выбесил. В общем, кому захочется туда ходить с такой спортивной биографией?

А Костик по физкультуре отличник и главный чемпион.

Только дядя Дима в школу позвонил и попросил Костика отпустить, чтобы он к тётё Вале в больницу съездил, лекарство отвёз. А у меня причины свалить никакой не было. Костик говорит:

— Пиши записку.

Откуда я знаю, что писать? Костик тоже не в курсе. Нас вообще никогда записками не отпрашивали. Костик говорит:

— Иди, Наташу спроси.

Она круглая, как я, на физкультуре ничего не может, хоть и старше всех на год. Мы видели, как она сама себе записки писала. Её всегда от физкультуры освобождали. И сегодня тоже.

Я к Наташе подошёл и попросил её и мне записку написать. А она говорит:

— Неа. У твоей мамы почерк другой, а я уже за свою написала.

Я подумал, что у меня почерк вполне себе взрослый, нормальный. Спрашиваю:

— Ладно. Что писать?

Наташа ухмыльнулась и говорит:

— Не скажу.

Наташа эта... Не зря над ней все ржут, решил я, и к Костику вернулся. А Костик пошёл и просто взял Наташину записку со стола. Физрук в зале ходит, не следит никто. Костик записку Наташину прочитал, обратно на стол шлёпнул и диктует:

— Уважаемый Виктор Ильич! Прошу освободить мою дочь, то есть сына. Пиши: Ивана Борисова по физиологическим причинам. Подпись.

Я говорю:

— По каким причинам?

Костик говорит:

— Физиологическим. Пиши, короче, по причине насморка. Хотя если ты напишешь, что по причине того, что мы поржать вместе хотим, а на физру не хотим, это тоже физиологическая причина.

Я думаю: насморк как-то глупо звучит. А вот физиологическая причина — вполне убедительно. Написал и на стол положил.

И мы с Костиком к тётё Вале в больницу поехали. А когда у тётё Вали сидели, мама моя позвонила и кричала так, что я думал, динамик треснет:

— Сын адвоката Сергея Борисова — вун! Сын адвоката Сергея Борисова — двоечник!

И ещё, что её срочно к директору вызвали. Это такой позор!

Я так понял, ей и про мои двойки по русскому заодно у директора рассказали. А она думала, что у меня только с геометрией проблемы. И теперь ещё за репетитора по русскому платить. А у нас и так денег нет, за мою геометрию Вадик платит. Это я знал, мама тётё Вале при мне рассказывала. А до Вадика — все, кто раньше приходил: Слава, Виктор Иванович и другие. Они маме деньгами помогали, потому что папа нам вообще ничем не помогал. Она брала. За гимназию мою платила. И за меня тётё Вале, что я у них ночую.

А Вадик в музее работает, откуда у него столько денег возьмётся,

у нас в гимназии всё дорого. А папа денег не даёт и алименты не платит вообще. У него же жена новая и ребёнок. Мама говорит, жене нужнее, потому что у них обоих совести нет. Пусть хоть деньги будут.

У папы важных знакомых много, помогли от алиментов отмазаться. Но учиться мне как-то надо. Мама об этом не только тётё Вале рассказывала, всем подряд. Вслух и при мне. Даже громче говорить начинала, чтобы мне лучше слышно было. Потому что я папе всё равно звонил часто. И всё равно его любил, это же мой папа. Он же не виноват, что новая жена такой гадиной оказалась. Я знаю, что у него совесть есть. А что ему делать, если жена теперь им командует? Мама сама так говорит, что командует. А то, что ему сын не нужен, неправда. Если бы я ему не нужен был, он бы мне не звонил никогда. А он звонит. На день рождения и на Новый год. И первого сентября — с Днём знаний поздравить. И говорит: «Сынок, вырастешь — поймёшь».

Мама спросила, где мы, и трубку бросила.

А я сижу на тётё-Валиной кровати и представляю, что меня дома ждёт. И мне захотелось тётю Валю попросить таблетками от сердца поделиться. А тётя Валя говорит:

— Что вы там написали-то, что вся школа на ушах? — и смеётся весело.

Костик пересказал. Точно, как написано было. А тётя Валя аж

на кровать от смеха завалилась и говорит, в потолок глядя:

— Ваня, у тебя какие такие физиологические причины, чтобы на физкультуру не пойти? И когда это у тебя началось?

Мы сначала не поняли. А потом биологию вспомнили и kota из книжки про половое воспитание с трусами женскими. Хором вспомнили, потому что я на Костика посмотрел, и у меня щёки гореть начали, а он — сразу ржать.

Я говорю:

— Насморк. Мало ли причин физиологических?

И покашлял в доказательство.

Тётя Валя говорит:

— Физиологические причины в вашем классе только у Наташи могут быть. И то потому, что она старше. А если вы про насморк врётё, то так и надо было написать, наукообразные вы мои. Двоечники.

Тут мама моя в палату влетела.

Больница недалеко от нашей школы. Но всё равно бежала бегом. Вся красная, с моей запиской в руках. И говорит:

— Валя, ты меня прости, но Ивану учиться надо, а не по больницам с Константином ходить. Ты прекрасно знаешь, у меня денег на репетиторов нет. И мужа тоже нет. А Ваня врать стал. Всем. Как ты думаешь, почему?

Тётя Валя говорит:

— Катя, я Ваню сюда не звала. Но ты не хочешь спросить, может, у него температура? Вон он, красный весь. Чем не физиологическая причина? Ты что, не знаешь школьный медкабинет? У них все здоровые. Вот он сам и написал.

И лоб мне потрогала.

— Какая ещё физиологическая причина? — мама спрашивает. — Он физиологический двоечник. Вот в чём причина. Отцу на него плевать, а мне тоже не разорваться. Иван, я тебя жду у лифта.

И записку на кровать тёте Вале кинула. И убежала.

Тётя Валя записку развернула и захохотала на всю палату. И говорит:

— «Уважаемый Виктор...». Ой, дурдом. Ваня, я так понимаю, у вашего физрука тоже физиологические причины бывают. «Ильич» пишется без мягкого знака на конце. Он же мужского пола. Мягкий знак после шипящих ставится, когда пол женский. Мышь, например, или ложь. Вы что на русском с Костиком делаете?

Костик как заржёт с новой силой. Наверное, физрука представил с косичками и физиологическими причинами. А я тот день вспомнил, когда мы урок про шипящие с Костиком проржали, со звонком для учителя. И подумал, что то, что мы на уроках угораем, это физиологическая причина моих двоек по русскому. И теперь мне вместо Костики будет ещё один репетитор. И, может, Вадик даже мои уроки начнёт смотреть, усами по тетрадкам водить грустно. И вздыхать.

А тётя Валя к окну отвернулась и говорит:

— А если бы твоя мама больше тобой интересовалась, а не своей личной жизнью, и не шлялась бы каждые выходные, Костик бы ни

при чём был. Иди, учи русский, двоечник.

И меня из палаты выставила.

Мы с мамой домой вернулись. Я маме ничего про «шлялась» не рассказал. Зачем её расстраивать, что тётя Валя предательницей оказалась. И пусть мама хоть целый год шляется — это моя мама. Она меня личи и фейхоа кормит и из сил выбивается, чтобы у меня репетитор по геометрии был. У тёти Вали муж есть, а у нас никого. И гимназия дорогая. Мама даже с унылым Вадиком из-за этого встречается. Хотя он, кроме книжек про музеи, ничего не приносит. И сливок перевзбитых. Потому что откуда тёте Вале с дядей Димой знать, что такое жить, когда тебя бросили. И ты один остался с ребёнком на руках.

А тебе даже тяжело ребёнка на выходные взять. Конечно, это же чужой ребёнок. В смысле я чужой. У меня же нет теперь папы-адвоката Сергея Борисова, который, если что, им помочь мог чем-нибудь. Про адвоката мама ещё раньше Вадика говорила, я слышал. И ещё говорила, что я не нужен никому теперь. И я вдруг понял, что тёте Вале я и правда не нужен. И дяде Диме тем более. Зато Костику я нужен, он же не тётя Валя. Костик со мной. Он не виноват, что у него такая мама.

Костик мне весь вечер потом сообщения кидал и спрашивал, жив я или как. И ещё: не начались ли у меня физиологические причины на нервной почве. Это тётя Валя его просветила, отчего

они ещё бывают. И что не только от незнания правил русского языка, оказывается.

Я тогда вечером весь разворот крест-накрест перечеркнул и написал размашисто: «12 мая 2020. Мама — тётя Валя. 100500:0. Потому что тётя Валя — дура». И внизу дописал мелко: «Наташа тоже».

А потом сразу несколько страниц пропустил и на чистом развороте написал печатными буквами: «13 мая 2020. Я — К. 4:2».

Малиновый волонтёр

Я на тётю Валю тогда в больнице и разозлился и обиделся сразу. Даже решил, что на выходные у них больше никогда не останусь. Хотя меня и не приглашал никто.

Костик с дядей Димой жил, тётя Валя в больнице лежала. А потом учебный год закончился, каникулы начались. И у меня радость случилась: маме позвонил дядя Дима и попросил Костика в деревню взять, к моей бабушке на лето. Я от счастья на диване прыгал и чуть лостру не сшиб. Потому что теперь лето нескучное будет наконец-то. И побежал на радостях «растопку» за седьмой класс собирать. Меня даже не просил никто. Мама мне помогала. И мою «Книгу победителя» в коробку отправила заодно. Я не заметил даже. И мы утром на дачу отправились.

Бабушка Нина в глухой деревне живёт. Тут детей нет, только бараковские. Около леса дома стоят трёхэтажные, там куча народа,

местные. В бараках детей куча. Они меня ненавидят страшно, хотя мы даже не знакомы. Когда я мелкий был, вообще по деревне ходить боялся. Только на велике ездил на третьей космической или даже быстрее.

Бараковские как-то раз на дорогу выползли с досками. А в досках гвозди. Я с асфальта в песок съехал: объехать хотел. Но велик занесло, и я упал. И палкой мне по щеке попало. Как выехал — плохо помню. Не то чтобы я трус был совсем, но там толпа и палки с гвоздями, а я один, и у меня только авоська. Я в магазин за хлебом ехал. Не доехал.

А на следующий день у меня велик украли. Я его за домом у сарая оставил. Ещё и без велика остался. Я его больше не видел. Наверняка перекрасили тут же, не докажешь. Но мне ещё скучнее жить стало, когда не поехать никуда. Друзей — никого, только Люда через дорогу. Но ей, как тётю Соне, соседке Костика, сто лет. Хотя она весёлая. И я к ней телек каждый день ходил смотреть, когда мелкий был.

У нас телек тоже был. Но у Люды интереснее. Она мне про соседей рассказывала. Конфетами угощала с белым налётом. И пирогами с брусничкой. Бабушка говорит, что эти конфеты просроченные, и Люда жадная, и что у неё в тесте в этих пирогах нет ничего, кроме муки, и они как подошва. Но мне нравились больше бабушкиных.

Ещё у Люды бинокль огромный. Она в него из окошка смотрит и отслеживает, кто в нашу

часть деревни из города на выходные приехал. И мне, мелкому, давала посмотреть. Мощный бинокль, через тюль видно, что у кого дома происходит. Вообще Люда весёлая. Грядок у неё нет, огород в траве, трава местами выше забора. Она из сорняков и одуванчиков каждое лето салаты делает.

Из хорошего у Люды только малина за домом, крупнющая. Ещё ревень и слива была. Только сливы нет уже. А была лучшая слива в деревне. Бараковские по дороге на карьер шли, на сливу оглядывались. Бабушка говорила, что это потому, что за малиной, ревенём и сливой ухаживать не надо, вот они и выросли. Но это за малиной и ревенём ухаживать не надо. А сливу Люда полела и поливала, сам видел. И золой землю посыпала постоянно. И спелыми сливами никого не угощала. Меня с бабушкой ни разу. И столько прошлой осенью на её сливе слив созрело чёрно-синих — листьев не было видно!

В общем, бабушка Люду не любит. Люда за огородом не следит. Маленькая, нос длинный, глаза хитрые. А бабушка Нина как скала: огромная, на огороде с утра до вечера, очень работающая. И всех с огорода урожаяем угощает, даже бараковских. Разные они совсем с Людой. Но Люда вообще прикольная.

В Люде меня только её соседка Зина бесит. Я про себя её просто Зиной зову. Она вечно всем замечания делает, особенно мне,

при каждом удобном случае. Щурится и тявкает, что я шляюсь и бабушке не помогаю. И ещё у неё собаки, две огромные боевые псыны. Бульдоги, наверное. Похожи на Наташиного ротвейлера, только рыжие, морды противные.

Они лают, как Зина, — постоянно. И злощие, как она.

В прошлом году у Люды горе случилось — сливу украли. Зинины собаки воров чуть не сожрали, и воры с тех пор больше в деревню не совались. Не знаю, зачем ворама сливу понадобилось пилить. По слухам, мак ночью приезжали воровать. У нас этого мака везде... Полевого. Бабушка его в августе по огороду выдёргивает и пироги печёт. Костик ржал в динамик, что мак повывдёргивали кондитеры с Волховского хлебокомбината. Мак и правда тогда со всех огородов выдрали, грядки перетоптали, у Люды сливу спилили, к машине привязали и увезли. Просто у Люды мака в её траве не было, мак прополотые грядки любит, солнечные. Бабушка ещё смеялась, что вот и поела Люда повидла. Но твари они, конечно. В общем, сливы на утро не оказалось, только пень. И след от давленных слив по асфальту.

Я Костику сфоткал и по «Вотсапу» отправил. Он тогда мне в ответ написал, мол, на похоронах ельник за машиной на дорогу кидают. А тут сливу соседкину схоронили, сразу видно.

А собаки Зины так гавкали в ту ночь, я даже проснулся. А одна с калитки задвижку спихнула и за

сливой побежала. Говорят, до следующей деревни. И порвала бы волховских кондитеров в клочья, но они чудом оторвались, и псина домой вернулась. В общем, Зинины собаки страшные.

А я с пятого класса собак боюсь. Ещё когда мы с Костиком нашу Наташу во дворе встретили с её ротвейлером без намордника. Костик пошутить решил и говорит: — Фас!

Он думал, ротвейлер на Наташу кинется. Но не съест же — она хозяйка. А ротвейлер на меня кинулся, дурная псина. И Наташа за ним на поводке на пузе поехала. И я остался без рукава и с собакобоязнью. Рукав мама пришила, а боязнь не делась никуда.

Поэтому Зинины собаки мне сильно на нервы действуют. Хорошо, что она с ними только рано утром гуляет и за домами у леса, а не по общей дороге. Днём я везде шляюсь, у леса тоже. Землянику собираю, маслята. От скуки. Но это лето обещало быть нескучным, потому что утром мы с Костиком погрузились в машину к Вадике и поехали в деревню.

Вадик молча крутил руль, почти положив на него усы. Костик был не в настроении и час сидел в телефоне, читал про майнеров и криптовалюту. Нам на экономике, на последнем уроке учительница рассказывала. Она любила поговорить не по программе, а Костик сильно заинтересовался. Но потом Костик устал читать и сказал, что вообще собирался на лето уехать в Крым волонтером

— ухаживать за клумбами. Там море, кормят и приключения. Но дядя Дима не отпустил. Сказал, что пока тётя Валя так сильно болеет, Костику лучше рядом отдыхать, мало ли, приехать нужно будет и помочь чем-нибудь.

Костик мне это рассказал. Мне обидно стало. У нас тоже приключения и всё лето вместе, а он в Крым хочет на лето ехать. Конечно, год назад ему у бабы Нины не очень понравилось, потому что мы на зимние каникулы приехали, реально скучновато было.

Развлекались как могли: сани в сарае нашли от лошади и пытались в канаве на них кататься. У нас гора есть высокая, за Людиным домом, лесом поросшая. Там тропинка по склону узкая. Мы сначала там кататься собирались. А потом смотрим: сани шире этой тропинки в три раза. Делать нечего. Решили в канаву, где я летом маслята собираю, на санях съехать. А в канаве снега — половина канавы. Сани длиннее спуска оказались: воткнулись в сугроб — и всё. Никуда не съехали и еле сани из сугроба обратно вытащили.

Ещё крепость снежную у сарая решили сделать. Но ничего не лепилось из-за мороза, только варежки в снегу поваляли. Мороз лютый стоял. Костик стал думать, что делать. В раздумьях на сарай рукой опёрся, на железку ржавую, к двери приколоченную. И у него варежка к железке на морозе прилипла. Костик варежку еле от двери отодрал. Но от железки не

смог. Так с железкой в дом и пошёл, с гвоздями. Бабушка Нина на него посмотрела как на придурошного. Сказала:

— Дураки и не лечитесь. На черт вы щеколду от сарая отодрали?

Смешно было.

Ещё барабашку ловили ночью. Ловушку придумали. У нас люк из досок на выходе из комнаты — в подпол. Мы крышку решили на ночь снять, к стене приставили. Дыру половиком прикрыли. А я забыл про дыру, в туалет в темноте пошёл и в люк шагнул. Вниз лечу, в воздухе переворачиваюсь. Лбом от ступенек лестничных отталкиваюсь. Три раза перевернулся, пока до картошки долетел. Но ничего не переломал себе, только испугался и грохотом всех разбудил. Как барабашка из подпола вылез, весь в песке. Бабушка смеялась от радости, когда поняла, что я себе шею в подполе не свернул. А Костик ещё потом два дня спрашивал:

— Ваня, ты в туалет-то сходил, пока летел? А сколько раз?

Вообще весело было. Я тогда в «Книгу победителя» не вписал ничего, когда в город вернулся. Потому что у нас с Костилом на даче китайская ничья была: если у него варезка прилипнет, то я тут же в люк свалюсь. А на сани мы вместе залезли, например. То есть «1:1», как ни крути. Бабушка все каникулы говорила, что мы дураки и не лечимся. И потом маме — по телефону, чтобы я один в следующий раз приезжал,

она с нами двумя не справляется.

Но зимой и правда в деревне простора мало и так себе. А летом лучше же. И пока мы с Вадиком в деревню ехали, я Костику про сливу напомнил и про бараковских. Костик повеселел немножко.

Мы приехали, Вадик уехал. И я Костика с Людой знакомить повёл, с малиновыми ватрушками. Бабушка Нина к нашему приезду ватрушек напекла с малиновым вареньем. На стол выложила, полотенцем накрыла. И говорит:

— Ребята, завтра вам работу дам. За мелком от тараканов в Сухое поедете. А сегодня кушайте, отдохайте. Тёпленькие.

И ушла носок вязать.

Сухое — соседний посёлок. Там большой хозяйственный отдел в магазине. Другое дело, что мы про тараканов не поняли. Я в интернете читал, что тараканы в городах пропали, потому что экология плохая стала. А у нас в деревне хорошая, точно. Заповедные места, берег Ладоги. Получается, вот куда они перебрались.

Мы чай себе вскипятили, полотенце с ватрушек сняли. И сразу всех тараканов, которые из городов пропали, увидели. Они между ватрушками сидели, усамми шевелили. Я сначала решил, что ватрушки по краям волосатые — столько их было. Тараканы во все стороны побежали. И мы с Костилом — от них, потому что противно — жуть.

Костик с табуретки заявил, что он за тараканами доедать не собирается. Мне тоже не хотелось.

Вдруг не все из ватрушек сбегали и какой-нибудь к варенью прилип незаметно? Поэтому мы ватрушки полотенцем накрыли, чай без ватрушек попили и сказали, что вечером доедим, спасибо, было очень вкусно.

Вечером бабушка спать пошла, она ложится рано. А я придумал Костика отвести к Люде знакомиться. И все ватрушки с собой взять, целую кастрюлю. Бабушка много напекла. Не выкидывать же. И бабушку обижать не хочется: старалась, пекла. А Люда ещё с Зиной поделится. Всем только лучше будет.

Обратно шли с Костиком и ржали на всю деревню, что мы малиновые волонтеры. Правда, бабушка утром странно на нас посмотрела и спросила, как мы столько ватрушек за один вечер уговорили. Но потом успокоилась. Костик её убедил, что она ватрушки готовит вкуснее, чем тётя Валя желе. И мы за мелком от тараканов поехали. Точнее, пошли. Потому что автобус в Сухое ходит раз в день, а нам очень есть хотелось. И Костик вечером этим мелком круги на полу и стенах рисовал и под нос себе бурчал, что будь проклята эта деревня. Я ушам своим не поверил. Переспросил. Он говорит:

— Будь проклята эта деревня тараканья. Сим-салабим, сяски-масяськи. Будь деревня без тараканов! Аминь. Слушай, Ваня, не мешай нечисть отпугивать. Чё уставился?

Круг вокруг себя начертил и лбом в пол три раза ударился.

Через несколько дней бабушка нас отправила картошку сажать. Костик это вообще не любит. Он, как я, на огороде не вырос. Спросил меня:

— С чего это бабушка дюлей выписала без повода?

Но что делать? Пошёл мне помогать.

Наше картофельное поле за забором, размером с наш огород. А за ним огромное — колхозное, его бабушка так называет. Раньше огромное поле правда колхозным было, а сейчас его какая-то фирма купила. И там тоже картошку сажают. А вокруг полиция круги наворачивает раз в несколько часов.

Костик смирился. Мы в подпол полезли за картошкой. Выгащили всю. И к вечеру посадили. Костик, конечно, выл, что нормальные люди трактор вызывают, как на том поле. И что это поле боя какое-то. И что бабушка Нина — майнер, потому что она из воздуха картошку получает без затрат с её стороны. Как майнеры из суперкомпьютеров деньги делают, ничего не деля. Так бабушка Нина из Суперкостика картошку. А супер-суп я один буду есть, и суперпоре.

Бабушка это услышала. Говорит:
— Я и вам картошки дам, когда вырастет. Валя сказала тебя к труду приучать. Смотри, тут ещё борозда влезет.

Костик бабушке говорит:
— Может, трактором всё-таки?
Бабушка на него внимательно посмотрела:

— Отстань. Всю жизнь руками сажали.

Мы всю картошку посадили. И трактор с комбайном на огромном поле всё посадил. А на следующий день бабушка другое задание дала. Пол в доме покрасить, весь. Чтобы не расслаблялись. Всё приготовить, вынести, что нужно, и покрасить. А сама ушла в баню порядок наводить.

Мы всё приготовили: пол тряпкой протёрли, дождались, пока высохнет. Стулья, стол вынесли. Пол олифой покрасили до крыльца и крыльцо. Краской такой для пола, рыжей, липкой. Костик сказал, что она у бабушки с войны лежит. Нас ждёт.

Пол мы быстро покрасили. Дом небольшой. Встали возле крыльца, бабушку работу принимать позвали. Бабушка глаза выпучила:

— Какие молодцы! А есть вы что будете?

И нам так смешно стало. Бабушка же не сказала, что конкретно нам нужно вынести. А именно — чайник, заварку и поест что-нибудь. Или деньги хотя бы — в магазин сходить. А сами не подумали, что кухню закрасим вместе с холодильником. На улице одни стулья стоят несъедобные. А пол до вечера должен сохнуть.

Костик сначала смеялся, а потом проголодался. Я в сарай пошёл, дедову каску откопал. Листьев малиновых нарвал. Мы чай на костре в каске сварили. А Костик в сарае топор нашёл. И хотел кашу из топора сварить, как в сказке: к Люде с топором

пойти, чтобы она нам крупы дала. И сварить. Мы посмеялись, а потом так есть захотели, что кошмар. Мы с утра пол красили и не ели ничего. И бабушка предложила доски на выкрашенный пол до холодильника положить. Только мы бы наш пол испортили — досками на свежую олифу. Костик сказал, что доски на наш пол недосохший класть — это всё равно, что в Эрмитаже на картину Айвазовского плюнуть. Даже хуже: картина высохнет, Айвазовский точно не узнает. А наше произведение искусства снова перекрашивать придётся, и в наших душах художников на всю жизнь осадок останется. И добавил, что это называется вандализм. Честно говоря, мне тоже было лень пол перекрашивать, проще было до вечера потерпеть.

Уже солнце садиться стало. А крыльцо ещё не досохло. Костик говорит:

— Давай картошку обратно выкопаем.

Мы бабушке идею предложили. Бабушка побледнела и говорит:

— Дураки и не лечитесь. Тогда завтра опять сажать будете.

И к соседке пошла, бабе Серафиме. Хлеба одолжить.

Костик говорит:

— Ваня, я знаю, где мы картошку выкопаем.

И на поле колхозно-частное показывает.

— Давай? — говорит.

— Почему я? — спрашиваю.

Костик говорит:

— Потому что это твоя бабушка.

Она уже побираться к соседке пошла. Жрать очень хочется. А у меня джинсы новые.

Костик в новых джинсах по деревне ходил. Он к огородной жизни не подготовленный. А я в старых папиных брюках на верёвке. Я Костику вторые такие же предлагал. Но как раз в этот момент мимо нашего дома девчонки бараковские на карьер шли, он их в окно увидел. Из-за занавески высунулся. Мне тоже интересно стало. Одна девчонка ничего была, рыжая, как тётя Валя, вся в веснушках. Смеялась громко. Старше нас года на три. Она Костика в окно увидела и за улыбалась.

Костик сразу сказал, что он лучше аккуратно в джинсах ходит. Так и ходил в джинсах. Картошку в них сажал. Зато красивый.

Я ему сказал, что после картошки и пола его джинсы уже почти как мои штаны. Он головой покачал и говорит:

— Ваня, это твоя дача. Тебе и ползти.

Что делать? Я пополз. А Костик на краю поля стоял, ржал и кричал:

— Огонь! Ложись! Танки!

Я немного прополз, чтобы меня с дороги было не сильно видно, и начал копать. Первую кое-как выкопал, с куском навоза, и тут машина с мигалками прямо к Костику подъезжает. И я в борозде. С картофелиной.

И отвезли нас картофельные охранники в детскую комнату полиции, в Сухое. Хотя Костик

их уверял, что мы волонтеры и голодным бабушкам помогаем. Потом про тётю Валю начал рассказывать, что у неё сердце и давление, она в больнице второй месяц лежит, и ей нервничать нельзя. Потом скулить начал, что он вообще просто мимо по дороге шёл и меня в борозде увидел. И полицейский кивнул. А я сказал, что сын адвоката Сергея Борисова. И звонил ему раз десять, но папа меня все десять раз скинул, как обычно. Наверное, новая жена рядом была, скомандовала, чтобы он трубку не брал.

Пришлось рассказать всё, как было. И полицейский вместе с нами ржал. Говорил:

— Дураки и не лечитесь.

И потом мы на той же машине домой вернулись. Только когда мы уходили, полицейский мне говорит:

— Эй, колорадский жук, чтобы я тебя больше в поле не видел. А то на учёт поставлю. А пока ограничимся предупреждением.

Мы с Костиком решили, что это и есть предупреждение. И домой поехали. Но чувство всё равно было гаденькое внутри. Наверное, потому что я реально своровать попытался, сознательно. Я ехал и думал, что у тех, кто Людину сливу увёз, тоже на душе наверняка было не очень. И ещё мне почему-то полицейский слишком добрым показался. Хотя смеялся с нами — громче нас.

Пока мы ехали, дядя Дима позвонил и сказал, что до середины июля к нам Вадик будет ездить с

продуктами. А они тётю Валю до-обследуют, потому что у неё тромбы нашли, надо их убрать, это несложно. А в середине июля вчетвером приедут сразу на неделю, мама с Вадиком тоже. Отдохнуть и ягоды с грибами пособирать.

Мы сразу про комнату полиции забыли и решили мотоциклом в сарае заняться, чтобы с дядей Димой и Вадиком на рыбалку сгонять с ветерком. Стали на «Ютубе» ролики смотреть про ретро-мотоциклы и как их чинить. И месяц в нашей «Паннонии» с коляской ковырялись, но так толком ничего и не сделали. Потому что её с толкача надо было заводить, а она тяжеленная. Но мы всё равно в ней ковырялись, когда бабушка нас на огородное поле боя не отправляла.

К середине июля, перед приходом родителей и Вадика, Костик придумал, как «Паннонию» толкануть. Он долго смотрел на Людин дом, а потом говорит:

— Вон гора.

Там и правда гора была, лесом поросшая, с узкой тропинкой посередине. Той самой, куда сани не прошли. Баба Серафима, другая Зинина соседка, на ней летом кроликам траву рвала. Лошадиные сани там бы не влезли, а мотоцикл вполне. Я даже про собак Зининых забыл.

Мы «Паннонию» долго волокли боком, за руль. Всю траву пропахали. Коляска в сарае осталась, с коляской бы не сдвинули. А потом с двух сторон «Паннонию» подняли и с горы толкнули.

Но она завалилась сразу вместе со мной. Костик еле отпрыгнуть успел, чуть без ног не остался, джинсы порвал. А я на «Паннонию» сверху повалился. И ногу сильно ушиб.

Мы мотоцикл бросили и домой пошли: Костик пошёл, с дыркой на джинсах, а я попрыгал. По прямой, через Людин огород, потому что больно обходить и долго. У Люды в заборе проход есть, куска забора нет. И никто рядом не гавкал, на наше счастье. Наверное, Зина с собаками в лес ушла или в город уехала.

Мы до Людиного огорода допрыгали. Костик говорит:

— Ого!

Он гигантскую малину увидел, которая за домом росла. Первая, созрела сразу почти вся, усыпано. С дороги её не видно. Костик говорит:

— Мама обалдеет.

— От чего? — Люда из куста ревеня спрашивает.

Там ремень почти как малина вышиной, Люда в лопухи с головой ушла.

— От ваших лопухов. Можно нам один, маме подарить?

— Это не лопухи, это ремень, — говорит Люда. Отодрала кое-как один, толстенный. — Держите. У меня этого добра... Кисленький.

— А почему вы малину не собираете? — Костик между делом поинтересовался, откусывая от ревеня.

— Жду, пока созреет побольше, — говорит Люда. — Идите отсюда, я занята.

Мы ушли. По дороге ремень выкинули: жёсткий, кислущий, есть невозможно. А в пять утра Костик меня растолкал и говорит:

— Вот банка. Пошли.

Я сразу понял, о чём он: Людину малину собирать для тёти Вали. Воровать у Людды малину мне самому в голову бы не пришло.

Лет в пять я у неё тюльпаны своровал. Жёлтые, под окном, только расцвели. Я за конфетой с белым налётом зашёл, а потом вышел и тюльпаны увидел. Не знаю, что на меня нашло. В глазах всё помутнело вокруг от тюльпанов. Мама тюльпаны любит. Я подумал: вдруг приедет? Обрадуется. Увидит, что я её ждал.

Я все тюльпаны содрал, штук двадцать. А Люда на меня из окна смотрела. Главное, я знал, что она смотрит. Но руки сами рвали, мне не остановиться было. А тюльпаны такие классные: толстые и хрустят, когда их рвёшь. Мама не зря их любит.

Я тюльпаны домой через дорогу понёс, Люда за мной пошла — бабушке рассказывать. Бабушка ругалась страшно, тоже про сына адвоката вспоминала. Но тогда папа с нами на даче жил. В отпуске был. А мама в городе, она летом никогда отпуск не брала. Редко приезжала на выходные. Мы её месяцами ждали. Она каждый раз обещала, и каждый раз у неё случалось что-то на работе. Она на выходных в городе работать оставалась и не приезжала.

Папа насчёт тюльпанов посмеялся и говорит:

— Молодец, сынок. Скоро тебя в суде защищать буду. Только надо к тёте Вале сходить в поликлинику за справкой, что ты в состоянии аффекта был. А потом мы цветочный отроем на трассе. А вообще воровать, сынок, — это болото. Так только двоечники делают. На телефон, с мамой поговори.

А мама трубку бросила.

И папа сказал мне рассказ Носова про огурцы выучить, там тоже про воров было. Я в пять лет читать хорошо умел, да и в школе пригодилось бы потом. Поэтому я этот рассказ прочитал, выучил. Хотел папе рассказать, но он меня к Люде в гости отвёл, на табуретку поставил. А сам ушёл — от стыда дома прятаться. А я три раза Люде и Зине на табуретке рассказ рассказывал. Им всё мало было.

Не помню, отдали мы тюльпаны обратно или нет. Помню, что я на вазу для цветов дома ещё долго смотреть не мог, от стола отворачивался. Потом картошка этим летом случилась. А теперь Костик малину придумал. В пять утра. Всё туманом возле леса затянуло, и даже Зинины собаки ещё не гавкали. Она точно с ними в город уехала. А Костик глазами хлопает, скулит:

— Ну, пожалуйста, Ваня. Маме витамины нужны, она малину обожает. Я высокий, ты мелкий. В смысле, нормальный, просто тебя в малине не видно. И спят все. Я на стрёме постою, на дороге.

И смотрит жалостливо. Штаны мне принёс и свитер.

Пошли. Костик в ёлках у до­роги остался, перед Людиным домом. Я в малинник залез. Там малина огромная, можно на палец надевать, ягода к ягоде, незрело, всё усыпано. Пару раз в доски провалился, малинник прямо на досках вырос. И банку набрал быстро. На дорогу вышел.

Мы с Костиком домой побежали. Малину на тарелку высыпали, чтобы она в банке сок не пустила, в буфет тарелку поставили. Костик говорит:

— Крупнее покупной.

Попробовали. И вкуснее.

Я говорю:

— Там этой малины море — в досках.

Костик на кухню сбегал, ещё две банки принёс. Говорит:

— Что им эта одна тарелка малины? Такой вкусной. Считай, по две горсти. Пошли ещё собирать, пока время есть.

Моя мама тоже малину любит, не меньше тюльпанов. Она, когда у неё получалось на дачу приехать, каждый раз в лес за малиной ходила и компоты варила. Хотя у нас в лесу, говорят, медведи водятся. Не испугалась. А этим летом она ещё ни разу не приезжала. Только Вадика при­сылала грустного. Мама приедет, а тут малины на компот. Скажет, что я весь в неё.

Я банки в обе руки взял и по­шёл. А Костик в ёлках с корзинкой топтаться, как будто за маслята­ми. Я на доски залез, собираю. Одну банку набрал. Вторую почти

полностью. Петухи отголосили, в огородах стучать начали. Слышу: шуршит сзади, в малине.

Сначала испугался: медведь. Но какой медведь в семь утра в деревне? Светло, и дачники стучат. Оборачиваюсь. А там Зина стоит со своими волкодавами бульдожьими! Главное, все трое молчат. Зина как гавкнет:

— И что это ты тут делаешь?!

У меня всё внутри упало. Я банку чуть не выронил, потому что руки вспотели. И спина. Собаки залаяли и давай Зину на меня тащить. Я за доску зацепился, на доски грохнулся. Половину малины рассыпал, лицо всё оцарапал о колючую малину. Но встал тут же. Некогда лежать, когда тебя собаки-убийцы в малине застукали. Я про Костика забыл. Мысли в голове в хоровод пустились, всё зашумело. И говорю:

— Малину собираю.

Зина говорит:

— Пошёл вон из чужой малины. Иначе собак спущу.

И поводки на себя дёрнула.

Я прямо по Людиному огоро­ду и пошёл с двумя банками. А Зина к лесу пошла с собаками. А после леса пошла бы Люде рас­сказывать, это точно.

До Людиного крыльца дошёл, шатаюсь. Смотрю, Костик из ёлок выглядывает. Он там с корзинкой на корточках. Видел же, как Зина с собаками шла. Из ёлок и ту калитку видно, и ту, их две. Всё, думаю, пошёл ты со своей малиной и своей тётёй Валеи! И к Люде постучался.

В дом зашёл, говорю:

— Я вам малины собрал.

Громко говорю, чтобы голос уверенней казался.

Люда голову наклонила:

— Мне собрал?

Подошла, прищурилась.

— Да, — говорю ещё громче.

Слышу: Костик в ёлках похрюкивает. Окно открыто, всё слышно. Очень смешно!

— Спасибо, — говорит Люда.

Банки взяла, посмотрела внимательно. И добавила:

— Бабушке привет.

Я потоптался и пошёл. Пока с крыльца спускался, думал, что Люда поняла, что я вор. И что во всём Костик виноват. И что он только в ёлках хрюкает, когда меня с собаками в малиннике ловят. И что, может, он вообще всё это подстроил специально. И что, если я ему врежу, он скажет, что у меня чувства юмора нет. А что у меня друга нет, до него всё равно не дойдёт никогда. И почему Костик со мной так поступает? У него тоже никого. Мы вместе всё время, с ним только я всегда.

Я мимо Костика прошёл. И день с ним не разговаривал. Он со мной тоже. Наверное, расстроился, что его мама без малины осталась. А на следующий день моя мама позвонила. Кричала, что я уголовник и позорище. И что в школу письмо пришло из детской комнаты полиции, про картошку. То самое предупреждение, полицейским обещанное. В письменной форме. И что завуч ей позвонила и сказала, что осенью будут решать вопрос о моём отчислении из гимназии.

Я обалдел. Говорю:

— Мама, я тебе малины набрал полную тарелку. Мы с Костиком ходили.

Ничего больше в голову не пришло. А мама трубку бросила.

Вечером Вадик один приехал, без мамы, тёти Вали и дяди Димы. Сказал, что мама через пару дней приедет, отгул возьмёт. И чтобы Костик сейчас домой собирался, его дома ждут. И я понял, что моя мама тётке Вале позвонила и сказала, чтобы Костика забирали, потому что это всё его влияние. Как обычно. Ну и пусть едет. Правда же, его влияние.

Костик собираться пошёл, а я в сарай — мотоцикл проверить. Костик уехал. Я «Книгу победителя» нашёл, полдня у мотоцикла просидел. Вспоминал всё, что было. На счёт «4:2» любовался. Если бы не гадость карбюраторная, сгорели бы мои победы вместе с чистыми листьями, которые ещё пригодиться могут. И я свою «Книгу» в дом отнёс, к себе в комнату.

Вечером тётя Валя позвонила. Сказала, что соседок по палате моей малиной угостила. И что вкуснее малины в жизни не ела и спасибо, что я к Люде в огород залез и собак не испугался. И говорят, что я малиновый волонтер: и ей набрал, и соседке. И засмеялась весело. И Костик на заднем фоне ржёт. Козёл.

На следующий день мама позвонила. Сказала, что послезавтра не приедет.

Потому что тётя Валя умерла.

У неё операция должна была быть послезавтра, стентирование

или что-то такое. И у неё ночью тромб оторвался. Она в санитарную комнату посуду мыть пошла, и её на полу нашли. С банкой из-под этой проклятой малины.

Майнеры в сосновом бору

После тёти-Валиных похорон мама позвонила, сказала Костику позвонить. Можно подумать, я сам бы не догадался. Но я не звонил. Каждый день собирался. Сообщения писал — штук десять разных. Про то, как мне очень жаль, как в кино говорят. И всё в черновиках оставил.

Я всё время в огороде сидел, бабушке грядки полел. Огурцы в парнике опылял вместо шмелей. Поливал всё, даже яблони. Картошку три раза окучил. Бабушка потом сказала, что хватит, потому что уже клубни видно, картошка зелёная будет. Тогда я по картошке тяткой прошёлся, обратно землёй присыпал. Только чтобы не думать ни о чём.

У меня перед глазами Костик стоял. И тётя Валя. Но о тёте Вале я сразу думать заканчивал. Мне эти мысли не нравились. А о Костике не думать не получалось — о том, что ему надо позвонить.

Что я ему скажу? Привет, как дела? Зашибись вопрос. Привет, мне очень жаль? Кого мне жаль? В голове пусто было, и где-то внутри тоже. Я тогда понял, почему, когда трагедии случаются, минуты молчания объявляют. Потому что — что тут скажешь?

Я всё время перец вспоминал

и яблоки с уринотерапией. И как тётя Валя смеялась весело. И как она в больнице сказала, что моя мама шляется. Привет, Костик, мне очень жаль, что у тебя больше мамы нет, которая мою не очень-то любила. А у меня мама есть.

Мне даже стыдно стало. За то, что у меня мама есть, а у Костики нет. И за то, что мне это стыдно вообще. Я всё время думал, что моя мама тоже когда-нибудь умрёт. Привет, Костик, знаешь, не расстраивайся, моя когда-нибудь тоже. От этой мысли я вздрагивать начинал. И себя жалеть. Мне казалось, я в тоннеле метро стою, хотя я там не стоял ни разу. Но слышал, что дураки, бывает, туда прыгают, и думал много, как это — там стоять. Ни туда ни сюда.

Я понял, что чужая смерть — это стыд за то, что она не твоя. От этого стыда ты прыгаешь в тоннель, как дурак. Только он пустой. И вокруг ничего: ни людей, ни стыда. Ты остаёшься один. И хотя умер не ты, на самом деле умираешь ты. И потом ты уже становишься другой. Ты не ты становишься. Потому что знаешь про себя, что смалодушничал и прыгнул в тоннель. Это не забыть. Но иначе ты не мог. Иначе ты бы мог быть только на месте того, кто умер. Или того, у кого кто-то умер. У кого мама умерла или папа. Тогда тебе было бы не стыдно, тогда бы ты всё сделал правильно. Но от этих мыслей тоже стыдно. Я как-то раз у себя в комнате об этом думал, и мне

«Книга победителя» на глаза попала. Открыл её. Она на счёте 100500:0 открылась. Я его зачеркнул. Пока черкал, продырявил в нескольких местах. И выдрал. В печку закинул. Обратно вернулся и полукруг нарисовал. И там ручкой возил, пока следующие страницы не прокрасились. Опять до дыры. Подумал, что если сейчас из этой дыры электричка выскочит, то так мне и надо.

Потом подумал, лучше бы меня электричка сбила. От этой мысли я сам себе дураком показался в тоннеле, где электрички отменили навсегда. А тоннель вокруг тоже навсегда. Я там один стою, без Костика. То ли его сбили, то ли он на последней электричке уехал — на похороны. И Костик больше никогда не будет со мной. Потому что у него мамы нет, а есть только папа. Один.

У меня-то мама есть и папа. Я папе когда угодно позвонить могу, он иногда отвечает. На Новый год и день рождения. Мама бабушке Нине говорила, у него тоже давление и сердце. Узнала от знакомых. А бабушка мне рассказала. А вдруг папа тоже умрёт, а я ему даже малины принести не успею? Он трубку не берёт, как я узнаю, в какой он больнице? А если он не в больнице ни в какой? Если он тоже в тоннель попал, как я? Тогда ему тоже стыдно, получается. И новая жена тут ни при чём. Поэтому он мои звонки сбрасывает и сам мне не звонит почти никогда. Я же Костику не звоню. Потому что я его тоже бросил.

А Костик один, ему и звонить некому. У меня родители есть. И бабушка Нина. И ещё Вадик, четвёртый, грустный как смерть и скучный. Но маминых Вадиков не выбирают. И я на середине «Книгу победителя» открыл и написал: «14 августа. Борисов — Светлов. 4:1».

И я от этого себя подонком почувствовал, а не победителем никаким. Страницу выдрал. «Книгу» обратно на подоконник зашвырнул. Потом подумал: может, что-нибудь смешное придумать и позвонить Костику, рассказать? Может, Костик поймёт, что я его поддержать хочу? Но вообще ничего смешного не придумывалось. Я по огороду ходил, в «Паннонии» копался каждый день. Думал, чем карбюратор почистить. Вадик до нормального очистителя вряд ли додумается.

Бабушка меня всей деревне расхваливала, как я поумнел. Говорила, горя со мной не знает. Бабушка правда горя не знала. Иначе не смеялась бы так весело с соседками. У неё огород без травинки, и я под боком. А у Костика никого. И меня у Костика нет. А у меня забыть о нём вообще не получается. И мне так стыдно. Но что я могу сделать? Только ещё хуже сделаю, если позвоню. Только напомню лишний раз, что у него больше мамы нет. И не будет никогда. А у меня есть.

Потом мама с Вадиком приехали, на два дня сразу. Бабушке картошку-раннеспелку выкапывать помогать и крышу в летней

кухне ремонтировать. Правда, я сам мог. Но мама Вадику сказала, чтобы мы вместе.

Мы с Вадиком картошку выкопали меньше, чем за полдня. Он копал, я землю отряхивал и в ведро кидал. Потом рубероид к крыше приколачивали. Пока колотили, Люда подошла. Долго на нас смотрела с дороги, очками водила. А потом кричит:

— Добрый день, Серёжа!

Она Вадика с папой перепутала.

Вадик поздоровался, на «Серёжу» внимания не обратил. А Люда дальше кричит с дороги:

— Иван какой помощник стал, весь в вас! Умелый, работающий.

У Вадика нога по рубероиду поехала, и он с крыши в крапиву скатился. Хорошо, что летняя кухня не дом — низкая.

Я на Вадика сверху посмотрел, а у него вообще выражение лица не поменялось. Лежит в крапиве, усы вверх. Грустно в небо смотрит. Потом поднялся, обратно полез.

Я хихикнул. Мне даже стыдно стало, потому что в голос. Представил себе, как бы Костик заржал, и не выдержал. Люда говорит:

— Пойду. Бог в помощь.

Я подумал, что хорошо бы ей её полевой бинокль вместо очков прикрутить, а то зрение падает. И сам чуть с крыши не скатился.

А Вадик кашлянул и говорит:

— Мда.

И всё. И опять гвозди колотит. Музейный работник, что с него возьмёшь? Хоть бы по пальцу не попал. Я его спрашиваю:

— Вадим, а вы что в Эрмитаже делаете?

Говорит:

— Реставрирую всякое. Металлы.

Я представил, как он золото сусальное к крыше Эрмитажа золотыми гвоздями прибивает, а потом с этой крыши катится кубарем с грустным видом, и меня по рубероиду от смеха размазало. А Вадик говорит грустно:

— Мда. У меня весёлая профессия.

Я за телефоном потянулся в задний карман — Костику позвонить. Но не стал. Просто подумал, что, если бы у меня мама умерла, а он мне про Вадика рассказать позвонил, мне бы вообще не смешно было.

Я в дом побежал. «Книгу победителя» перевернул, открыл и написал на первой странице: «Реставратор Вадик навернулся с сарая». Чтобы потом не забыть Костику рассказать.

Потом в сарай пошёл. Вспомнил, что утром на «Ютубе» про клеммы посмотрел, решил в «Паннонии» их подкрутить попробовать. Вдруг искра пойдёт без толкача?

Вадик ко мне забрёл. Именно не зашёл, а мимо брёл с ведрами к скважине. И забрёл. Я на него смотрю, у него усы зашевелились. Может, речь репетировал. Я понимаю: своих детей нет, он вообще не знает, о чём со мной разговаривать. А он ведра поставил и говорит:

— Иван, поехали на рыбалку.

И опять усами шевелит.

Я говорю:

— Не заводится.

Вадик говорит:

— Можно полюбопытствую?

Мне не жалко.

Вадик в дом побежал, очиститель для карбюратора принёс. Надо же. Выполнил обещание. Мы крышку внутри почистили, обратно прикрутили. Но не завелось ничего.

Вадик дальше полюбопытствовал, усами по двигателю поводил туда-сюда. Говорит:

— Иван, тут свечи какого года и сколько он тут стоит?

Свечи древние, как сама «Паннония». Довоенные, наверное. Отсырели свечи. Вадик сразу определил, без «Ютуба». Как я сам не додумался?

И мы в Сухое поехали, в сервис, за свечами. Новые купили. И завелись с пол-оборота.

Вадик меня вперёд посадил. Потому что мама кричала на весь огород — боялась, что сзади я на скорости улечу. Когда папа меня на мопеде катал, всегда спереди на бак сажал. Только я тогда мелкий был. А сейчас мне тринадцать, я выше мамы вымахал. Я бы сам уже на мопеде ездил, если бы папа его с собой не забрал.

Но я на бак сел всё-таки. Тётю Валю вспомнил. Подумал, что мама тоже когда-нибудь. И сел, чтобы её не расстраивать.

Мы на речку поехали. За поворотом Вадик меня назад пересадил. Хорошо, а то я себе уже на бензобаке отбил всё.

Дальше едем. Вадика жук-носорог в лоб влетает. Вадик тормознул,

жука с асфальта на обочину откинул с грустным видом.

— Прелюбопытная зверюшка, — говорит.

Едем дальше. Я сзади ржу. Представляю Костика с нами. Хоть на экшн-камеру снимай и ему отправляй. Но я не снял, экшн-камеры не было. И я бы всё равно не смог — надо было за Вадика держаться. Он так гнал!

На речке мы ничего не поймали. Зато я монету нашёл. Сине-зелёную. С одной стороны орёл двухголовый, с другой буквы полустёртые, не понять, какие. И под ними: «1726. С.П.Б.».

Вадик с монетой по берегу давай носиться, как плотва рот открывать — беззвучно. Я от него вообще такой скорости не ожидал, с какой он туда-сюда ил сапогами месил. А потом сказал, что это монета екатерининских времён, кучу денег стоит. Обалдеть.

И что он мне её сам почистит. Тут реактивы нужны и вода дистиллированная, полностью очищенная. Или раствор специальный. Потому что в ней не чистое серебро, а с примесью меди. Было бы чистое — монета бы почернела или пятнами синими пошла. А она полужелёная из-за меди. И нужно аккуратно, вдруг там ещё других цветов пятна под этой зеленью. Хлористое серебро какое-нибудь. Или серебристое. Монету испортить — раз плюнуть, если не разобраться, что там в ней содержится.

Я и не догадывался, что серебро разное бывает. Может, если бы нам на химии такие монеты

показывали, я бы знал. Особенно с таким лицом. А так я на химии только про мобов всё выяснил и выживать под партией научился. Костик ржал, что у меня уже голова квадратная, и один раз на лабораторной мне фамилию зачеркнул и «Иван Майнкрафтов» написал. Я в этот момент на парте подтягивался — смотрел в Наташину лабораторную. У нас вариант один, она впереди сидит. И не заметил, что мне Костик фамилию поменял, так и сдал. А химичка лабораторную посмотрела и говорит:

— Борисов, редстоун у тебя примитивнее некуда. Это три с натяжкой.

Я даже удивился тогда. Решил, что химичке самой умереть от скуки на своей химии хочется, поэтому она тоже в «Майнкрафт» играет, пока мы лабораторные у Наташи списываем. А химия, оказывается, не хуже «Майнкрафта» может быть, удивительно.

А Вадик с каждым словом звук прибавляет, почти орёт уже на весь лес. Это если сравнивать с тем, как он обычно мямлит. От химии к истории с экономикой перешёл:

— Это, Иван, двухрублёвая монета, «полполтина». В 1726 году Екатерина Первая приказала на Монетном дворе медь к серебру подмешать. Чтобы казну экономить. Только эта «полполтина» дороже серебряной полтины оказалась, проще из серебра чеканить и быстрее. Поэтому эти «полполтины» чеканить не стали. Вот такая история. Мда.

И добавил задумчиво:

— Или её кто-то с монетного двора потерял, или, Иван, ты новое историческое открытие сделал, и монеты в обращение всё-таки ввели ненадолго. И как я её раньше тут не нашёл?

Я на Вадика посмотрел. Как он её раньше мог найти? А Вадик говорит:

— Ну... Мда.

А потом предложил к нему за работу в гости прийти, раз уж я историей увлекаюсь. Так и сказал:

— Иван, раз ты так историей увлекаешься, давай её вместе почищу!

Я сразу нашего историка, Михаила Антоновича, вспомнил, который мне вместо двоек на каждой проверочной пишет: «Народ, не знающий свою историю, не имеет будущего. М.Ломоносов». И я до конца седьмого класса считал, что у него фамилия Ломоносов. А потом классная спросила, что мы с моими двойками по истории делать будем. Я говорю:

— Светлана Васильевна, я у Ломоносова отработаю.

Классная говорит:

— Ваня, у Ломоносова — Петров фамилия.

И рукой махнула.

А Вадик обеими руками машет от радости, что я историей увлекаюсь.

Говорю:

— Конечно, история — мой любимый предмет!

И Вадик рассказывать принялся, как мы научным сотрудникам Эрмитажа будем торжественно

монету вручать. Бесценную такую. Если я не против, конечно. Потому что клады от государства прятать — это только чёрные копатели делают. А это вообще страшные люди. Вадик так и сказал, подуспокоившись:

— Страшные люди. Мда.

Сказал, что они типа фашистов — ничем не брезгают. Им хоть монеты, хоть зубы золотые.

А потом говорит:

— В общем, вместе пойдём монету чистить. Хорошо?

— Ну... Мда, — говорю.

Я себя майнером почувствовал, который из воздуха деньги делает. Только я из реки делаю, но какая разница? Костик бы тоже обалдел. И пока мы назад ехали, я вспомнил, как мама за обедом говорила, что дядя Дима пить начал. И все подработки бросил. И денег у них нет, поэтому она им картошки отвезёт и с огорода всякого. Я подумал: что, если Костику позвонить и сказать, что я монету нашёл дорогущую, и я её продам и им денег дам? А потом подумал, что Костик обидится. Я бы обиделся. Будто я от него откупаюсь. И будто дядя Дима — алкаш пропащий, который заработать не может. И не стал звонить.

Мы домой приехали и около ёлок Людиных разворачиваться стали. «Паннония» — здоровый мотоцикл, а дорога у нас хоть и асфальтированная, но узковатая. Мы вниз свернули и прямо у ёлок, между Людиным и Зининым домом, заглохли. На нас собаки вылетели. И Зина следом.

Вадик говорит:

— Будьте добры, собак уберите.

Зина давай лаять, что не надо тут бензином маслята заливать. И что Катерина, то есть мама моя, хоть бы одного адвоката притащила, который экологию не портит.

Вадик на неё посмотрел и говорит:

— Женщина, я не адвокат, я прокурор. Я вас засужу за бойцовскую породу без намордника в населённом пункте.

Таким голосом железным, что даже я испугался. Как он так смог?

У меня рот сам собой открылся, и я чуть под ёлку не сел.

Зина собак за забор загнала и на три щеколды калитку запечатала. Это я прикинул, что на три, потому что калитка три раза дёрнулась, пока она её с другой стороны закрывала.

А вечером мы с Вадиком монету рассматривали, и он рассказывал, что неудивительно, что мы её нашли. Что тут берег Ладоги недалеко и деревни разные, с говорящими названиями: Выстав, Сухое. В Выставе царские особы «выставлялись». Или выставляли кого-нибудь, ссылали то есть. Разные версии есть. Архивы разные. А Сухое — он не знает, почему. А я говорю:

— Потому что там винный магазин и целая полка с бутылками — «сухое» написано. А у нас тут только сарай с пивом в конце деревни. Что выставили, то и пьют. И травятся часто. Поэтому Выстав.

Вадик говорит:

— Интересная версия, Иван.

И улыбнулся во все усы. Первый раз в жизни.

А бабушка это услышала и говорит:

— Дураки и не лечитесь. Сухое, потому что место высокое, там дождей нет почти, всё в песке.

— А Выстав? — Вадик спрашивает. — Почему?

— А потому что тут в войну Дорога жизни была. И папа мой отсюда немцев выставлял вместе с другими партизанами, — бабушка отвечает. — Вот где те архивы?!

— Нина Семёновна, так в архивах ваша деревня с 1500 года — Выстав. В Писцовой книге упоминается. А потом в 1612 году...

— Отстань! — говорит бабушка, — Я вот знать хочу: ты мне осенью грядки перекопаешь или вон, как этот, Костик, философствовать будешь?

Вадик брови поднял прямо как Костик. И я вспомнил, как мы картошку с Костиком сажали, и бабушка ему то же самое про трактор ответила. И Костик так закивал, что мы чуть тогда в борозду не нырнули. Нас бабушка вообще смешила постоянно. И говорила: «Отстань», — то мне, то Костику, каждые две минуты. И ещё «Дураки и не лечитесь». Она смешная — ужас, когда ей ответить нечего. Или когда подозревает, что над ней издеваются.

Я монету сфотографировал и папе по «Вотсапу» послал. И написал, что за бором нашёл, на речке, смотри. Но папа не ответил ничего. Занят был, наверное, как обычно.

Я к себе пошёл и в «Книге победителя» написал: «Во всём виноваты сырые свечи. Вадик послал Зину. Вадик гоняет на мотике, как безумный. Я нашел полполтину. Посмотреть про хлористое и серебристое серебро. Реформы Екатерины. Я великий майнер. 26 августа 2020».

И подумал, что можно монету Костику отправить. И если что, скажу, что ошибся, извини. Если он ничего не ответит. И решит, что я дурак. И послал. Костик ничего не ответил. И я потом написал ему: «Не тебе. Ошибся».

И он снова ничего не ответил. И мне так плохо стало. Затошнило от собственной глупости. Ещё мама с Вадиком уехали. И монету забрали, чтобы не потерялась. Вадик сказал, что мы же не чёрные копатели, всё равно её в Эрмитаж сдавать.

Потом я к вечеру Костику про эту монету написал. Подумал, что сейчас про монету напишу, а потом как Вадик Зину послал. И начал так: «Кстати, знаешь, что это?»

Костик не ответил, и утром тоже.

Мне терять уже нечего было. Я начал причины искать Костику написать. И как раз мимо дома по дороге бараковские шли. И та девчонка рыжая, в веснушках, которая Костику так понравилась, что он в своих новых джинсах картошку сажал. Сфоткал её, отправил и написал: «Спрашивала про тебя».

Костик не ответил.

Я понял, что всё. Костик больше не ответит. И ногой в калитке доску выбил. Надо было головой, конечно. Потому что я дебил. Встал и пошёл в наш сарай продуктовый через всю деревню. Решил пива купить. Сказать, что для папы, кто там разбираться будет в Выставе. И напиться.

По дороге увидел, что мужики грибы продают на дороге. Пошли в лесу, значит. Тоже майнеры — деньги из воздуха. На пиво всегда зарабатывают. И на «сухое», если год урожайный.

Я пиво купил, за сараем сел на дрова. Попробовал. У нас в семье никто не пил. И у Костика тоже. Только гости. И там не пиво было вроде. И гимназия у нас хорошая, как мама говорит, во дворах никто после уроков не тусуется с пивом. Вот дядя Дима сейчас не знаю, что пьёт. Но ему от этого легче, наверное.

Я эту гадость выплюнул. Ничего особенного. Легче не стало, горький шампунь. Реально похоже. И с пенкой тоже. Я, мелкий, один раз выпил из пробки — «Мой малыш». Мама ругалась. Боялась, что ослепну. За пиво я даже не представляю, что бы было. Интересно, от «сухого» тоже легче не становится?

Но на «сухое» у меня уже денег карманных не осталось.

Я пиво за дрова вылил, взял две корзинки и пошёл в лес. За грибами и ягодами. Черникой или брусникой, что найду. Вторую корзину в рюкзак сунул. Нож взял. Решил, что пройду сейчас

через карьер, потом по лесу, к высоковольтке выйду, а оттуда на трассу. Там трасса широченная, несколько полос. У меня сразу это всё купят, и я, как нормальный майнер, денег заработаю на «сухое». И про Костика забуду.

На карьере я бараковских встретил. Точнее, издалека увидел и решил по полю скосить, чтобы они меня не увидели. Только их не хватало.

Через поле прошёл, в лес зашёл. Я там всё знал. Мы с папой много по лесам ходили. Решил левее скосить. Вышел к лесной дороге. Пока шёл, уже грибов набрал почти целую корзину. Думал про всякую чушь. Про то, что червивые тоже брать надо. Можно намаинить червей и в магазин «Аквариумы» сдать вместо мотыля. И что Костик бы так и сделал, точно. Только я бы сдавать пошёл, а он бы ржал. Вроде как не со мной пришёл.

Продавец спрашивает:

— Где вы таких интересных взяли? Мелких, беленьких.

А я ему говорю:

— Из грибов, конечно.

Костик, конечно, сказал бы, что это мои аскариды. Нам бабушка про них постоянно рассказывала, когда мы клубнику немьтую с грядки ели, что это глисты такие, и они у нас будут обязательно.

На «аскаридах» я понял, что заблудился. Маячок в «Гугл-картах» завертелся. Я в одну сторону, он в другую. И связи то нет, то одна палочка. Вышек у Ладоги

мало. На лесную дорогу вылез. Дорога разбитая: широкая, но идти сложно. Колея глубокая. Я по глиняным горбам пошёл.

До ельника дошёл, дорога под уклон вглубь пошла. Иду. По левую руку ельник от осин щуплых морщится, по правую сосны в небо вздымаются. Между сосен листья чёрные, мокрые, ни одного гриба. Даже поганок нет. Пусто. Одни муравейники высокие, как могильники на кладбище за Сухим, — друг за другом.

Ельник слева кончился, непролазные кусты пошли, без листьев. Ветками друг в друга вцепившись. Справа сосны расступаться начали. Папоротник высоченный, почти по шею, полосой. А за ним болото мокро-зелёное. Будто огромная яма мшистая. За болотом машины шумят в отдалении. Маячок в «Гугле» трассу вообще в другой стороне показывает.

Я к трассе повернулся, маячок крутиться начал растерянно, а потом на то же место пополз. И задрожал. Я обратно повернулся — маячок подёргался и замер вообще. А трасса за болотом шумит. Если прямо пойти и не сбиться, выйду.

Попробовал — нормальное болото. Сапоги чвакают, но трясина нет. Не затягивает. Пошёл прямо через него, по мху, через тонкую траву. По полусгнившим стволам упавших деревьев — на всякий случай, вдруг реально трясина дальше. Потом мусор какой-то белеющий между кочек увидел. Кружку или банку пластиковую. Успокоился. Значит, дорога за болотом, раз грибники ходят и

мусор кидают. Первый раз я мусору в лесу обрадовался. Но подбирать не стал. Задерживаться в этой яме совсем не хотелось.

Перешёл. Забрался на пригорок. Там ещё одно болото, такое же. Только другой «берег» видно, а по бокам в обе стороны сплошной полосой болото. И воды явно больше стало, между кочками блестит. Стволы упавшие кругом. Маячок в картах висит. Телефон перезагрузил. Он разряженной батарейкой помигал.

Маячок опять задёргался. Опять трассу в другой стороне показывает. Только не сзади, а справа. А шум впереди так и остался. За холмом. Холм метрах в ста, уже почти гора. Трава за сапоги цепляется, как держит. Нога зацепилась, я на четвереньки в топь встал. Пока поднимался, вода в сапоги залилась.

Карты открыл: маячок туда-сюда так и вертится. Не понимает, где мы вообще и куда нам отсюда идти. Я напрямик пошёл, деваться некуда. За корни вывороченные держусь, все руки в грязи.

Темнеть стало. Небо над болотом тучами нависло. Ветер за горой в соснах завыл. Гроза, не гроза — дождь точно сейчас ливанёт.

И я музыку за соснами услышал. Точно, дорога. Грибники в машине музыку включили, на обочине стоят. Я на гору взобрался. Слева кусты. В кустах гора плёнки. Мусор в лесу навалили, как обычно. Значит, дорога близко. Под горой снова сухой ветками сцепился. За ним речка журчит.

Иду мимо плёнки. Смотрю: труба торчит. Как в банях деревянных делают, со шляпкой. И дверь из ковра старого с другой стороны. Землянка. Кто-то живёт. Я телефон в карман сунул, нож из корзинки схватил. И вправо дёрнул с горы.

Внизу кусты. Полез. Очень быстро и тихо. Чуть глаза ветками не выколол. Откуда я знаю, кто в этом лесу поселился и зачем? Был бы Костик, мы бы так просто не ушли. А одному страшно туда лезть.

Из кустов вылез. Смотрю: слева сруб из черных брёвен прямо в пригорок уходит задней стеной. Дом низкий, как баня деревянная. У Зины почти такая же. Только тут вместо крыши плёнка синяя. И антенна спутниковая торчит. Круглая. И лопата у берёзы стоит. Мох перепахан кругом, как под картофельное поле. Впереди речка журчит. Через речку мост бревенчатый, с перилами. Брёвна свежие, отёсанные даже, одно к одному. Кто-то тут есть.

Думаю: надо папе позвонить. Но мне даже звонить страшно. Может, музыка отсюда была. Может, тут людоеды вышли по делам — поискать, кого сожрать. И я тут — разговариваю. Или маньяки. Мало, что ли, людей в лесу пропадает? Куда они все деваются? Папа про маньяков книжки собирал в домашнюю библиотеку. Я, мелкий, начитался.

Я к сосне у берега дёрнул, прижался к ней, «Гугл-карты» смотрю. Дорога вообще непонятно где. Маячок мелкой дрожью

прыгает. Стою. Сколько до дороги, тоже непонятно, ничего не соображаю. Трасса чётко впереди шумит.

Я из-за сосны выглянул осторожно, сруб сфотографировал — как мог, криво. Дальше тут людоедов ждать? Куда деваться? За мостом тропинка на холм. Я из-за сосны вылетел, мост перемахнул в два прыжка и по тропинке вверх понёсся. На холме сосны высокие и белый мох. Дальше лес такой же, аж светится. Дорога всё там же шумит. Я через лес на шум побежал. Полетел даже — через пни как Супермен перемахивал.

Пока бежал, солнце вышло. Я на высоковольтку выскочил. Отдышался. Тут я уже понимал, куда двигаться. И карта поспокойнее себя вести стала. Всё.

Папе позвонил. Он меня скинул.

Бабушке позвонил и сказал, что по лесу пошёл погулять во круг карьера, маслят поискать, вернусь к вечеру. Пока бабушке звонил, чернику во вторую корзину собирал. Она на высоковольтках размером с Людину малину. Корзинку быстро набрал и на земляничник наткнулся. Там одни листья, август уже, всё осыпалось. Одну земляничину нашёл, позднюю. Вкусную.

По земляничнику пошарил. Смотрю: медвежья куча.

Погуглил: куча. Медвежья. Всё сходится. С вкраплениями черники. Я её сфотографировал тоже. И тут кусты как затрещат.

Дальше я плохо помню, потому что бежал к трассе с корзинками.

Почему не кинул их, не знаю. Я про «сухое» уже забыл и вообще почему меня сюда занесло. В одной руке грибы. В другой черника. В голове: «Медведь».

Я про медведей хорошо знаю. Костик рассказывал. Говорил, что страшнее медведя только кабан. Мы ржали, конечно, но я потом фильм про природу Финляндии смотрел. И там про кабанов страшные вещи рассказывали. Они за кабанят человека убить могут. А Финляндия у нас недалеко. Я тогда, помню, Костику сказал, что у нас кабанов нет возле деревни. А он на меня посмотрел и говорит:

— Да? А куда они делись?

И я задумался. И кабанов в нашем лесу тоже стал бояться. А про медведя я думать не хотел. Медведи на трассу выходили как раз, куда я бежал. Даже мама видела несколько лет назад.

Но на трассе шумно. Туда медведи редко выходят.

Я на трассу выбежал. И сел с корзинами на обочину, напротив белого грузовика. Я этот памятник хорошо знал, он неизвестному шофёру Дороги жизни поставлен. Водителю в смысле, который по Ладоге хлеб возил через кольцо Блокады. Значит, до деревни километров шесть по трассе. Надо было чернику продать с грибами и на попутке рублей за сто доехать, можно даже до «сухого» в Сухом.

Недалеко мужики в ведрах чернику продают. У них машины останавливаются, у меня нет. Вообще. На телефон смотрю: два процента батареи.

Я Костика набрал. На вызов нажал — и всё. Само получилось. После двух гудков понял, что скидывать поздно. Подумал: ещё два гудка и сброшу. И надо бабушку ещё раз набрать, сказать, что со мной всё нормально. Пока телефон есть.

Костик трубку взял. Я говорю:

— Костик, помоги. У меня батареи два процента. Я чуть не погиб. Там медведь и какие-то землянки. Я на трассе без денег, напротив памятника, на повороте. С двумя корзинами грибов и ягод. Чё делать?

Костик просмеялся. Говорит:

— Ваня, ты как всегда.

И всё. Телефон разрядился.

Но я такой счастливый сидел на обочине. С корзинами. Как дурак.

Темнеть стало. Я до поворота на нашу дорогу дотопал и голосовать стал, как в клипах про Техас. Автостоп налегке. Только рядом корзинки стоят. Одна фура остановилась. Там дядечка весёлый, с усами. Хохотал над моей историей про медведя. Про баню с землянкой я не стал рассказывать. Может, это его баня. Мне от этой мысли не по себе стало.

Потом мы сломались на полпути. На дороге глушь, темно, фонарей нет, вокруг сосновый бор. Стали ждать, пока кто-то проедет. Только кому ночью надо в Выстав ехать? Дядечка под фуру полез с телефоном. Я думал, у дальнобойщиков фонари всегда есть. Хотя, если честно, я об этом никогда не думал. И чём я вообще думал, когда в лес поёрся деньги зарабатывать?

На обочине сижу, кукушку слушаю. Хотел её спросить, сколько мне жить осталось. Она затихла сразу. Дурная птица. Зато сова заухла. И тут из-за поворота два глаза огромных выползли. Я чуть под фуру не залез!

Это Вадик за мной приехал. Беззвучно с лесной дороги вырuling кое-как. Сова дьявола усатая. Скосить по лесу с трассы решил. А я от страха пузом всю траву на обочине чуть скосил. Нормально вообще.

Вадик из машины выпрыгнул. Оказывается, бабушка маме позвонила. Мама до меня не дозвонилась. Зато Костик до мамы дошёл, до квартиры. И сказал, что, если что и они вдруг меня потеряли, я на повороте с трассы с корзинами сижу. Вадик на поиски отправился. Он как раз недалеко был, у приятеля в гостях, в соседней деревне. И прямо через лес поехал.

Вадик мне телефон дал. Сказал маме звонить, а сам под фуру полез с фонарём — полонку искать.

Мама орала, конечно, в динамик. Кричала, что бы было, если бы Костик не пришёл? И как у меня мозгов хватило в фуру залезть с незнакомым мужиком? А потом заплакала. И спросила, зачем я в дальний лес пошёл. Как ей объяснишь?

Я говорю:

— Мама, можно Костик с нами будет жить? Я тебе обещаю, меня из школы не отчислят. Я без троек восьмой закончу, ОГЭ в девятом на пятёрки сдам. Мама, я же у него раньше каждые выходные жил!

Мама помолчала, а потом говорит:

— Ваня, у Костика папа есть. Я его усыновить не могу. Давай, звони, приглашай к нам, пусть гостит сколько хочешь. С Вадиком завтра вернётесь в город, и звони. И на дачу езжайте, если хотите, пожалуйста. На осенних каникулах. Я Диме скажу, приглашу. Только не надо из дома в лес уходить с разряженным телефоном. В конце концов, ближе тётки Вали у меня никого не было. И она мне тоже очень помогла. Но если ты учиться нормально не начнёшь, я тебя побью. Понятно?

Мне вообще всё было понятно. Главное, что у меня самая лучшая мама. И что нужно как-то учиться нормально начинать.

Я водителю фуры грибы с черникой подарил за то, что подбросить попытался. Дядечка радостно всё в один пакет из корзинок ссыпал и уехал.

По дороге я Вадику про землянки рассказа — что там то ли людоеды, то ли маньяки живут. А Вадик сказал, что это копатели и ничего удивительного, учитывая, какие тут монеты валяются. Типа археологов — копают ценности. Сами себе археологи. Ничего плохого они никому не делают. И если реальные клады находят, обычно сдают и хорошие деньги получают. А монеты поштучно копать — это они так отдыхают. Примерно как я на тётки-Валином массаже, наверное. Потому что пока такую откапашь, уже клад не нужен, и слюни стекают — хоть на пол, хоть по щеке. А потом говорит:

— Вообще, Иван, копатели разные есть. Красные — это типа поисковиков. Солдат ищут, которые без вести пропали. Ну, что-то находят, конечно. Но они больше по людям. Чёрные есть. Тащат всё, что можно продать, — и поморщился. — А белые монеты ищут, штуки всякие интересные. Не только со времён Великой Отечественной. Недавно вот лабиринт нашли из бункеров. Там чего только нет: продукты немецкие, тушёнка. Хлеб со взрывчаткой! Разные мины-ловушки нашли, целый склад. Мешки с орехами. Мешок как мешок, и верёвка к детонатору привязана.

— Наши или немцы привязали? — спрашиваю.

— Я в архивах смотрел по документам. Там получается, что наши к немцам готовились. Бункер отдали с ловушками. Чтобы потом опять в наступление пойти. Хлеба там четыре ящика было. Думаешь, все машины до Ладоги зимой доезжали? Мы решили: людей перебили, продукты сняли. А потом оказалось, что мы им сами подложили. Разбираться надо, архивы смотреть. Кто там отступал и какого всё года. И чтобы чёрные копатели объект не нашли, тоже следить надо. Или дети могут найти, это ещё хуже. Но обычно там места глухие, не грибные. Грибникам там делать нечего. К бункерам без металлоискателя вообще лучше не подходить. А лучше с миноискателем. Мда.

Интересно, конечно. Оказывается, в лесах ещё куча ловушек осталось. Если армия отступала, солдат этими ловушками окончательно выгоняли. Вадик сказал, что это психологический момент. Вообще, когда у тебя даже хлеб в руках взрывается, трудно не побежать.

Я говорю:

— Вадим, а вы белый копатель?

Вадик говорит:

— Ну... Мда.

Мы домой приехали, я зарядку в телефон воткнул и Костику фотки землянок отправил и медвежьей кучи. И написал, что это моя. И что если б не он, то такие кучи до самого Выстава бы лежали. Спасибо.

А потом пишу следом: «Пудель на месте?»

«Ага», — отвечает Костик.

«Я днём приеду. С яблоками. Давай к нам».

Костик смайлик ржущий прислал.

Я «Книгу победителя» схватил, чтобы ничего не забыть, и Костику сразу про всё написал, по пунктам. И дописал внизу: «Вадик — белый копатель, прикинь».

Костик долго не отвечал. А потом на экране высветилось:

«А Веснушка чё спрашивала?»

И смайлики стоят: «рука-лицо» и «лол».

«Приедешь на осенние или как? Ждёт тя, по ходу», — соврал я и поставил такие же смайлики.